

Смена

№ 9 МАЙ 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

**ВСЕГДА
МОЛОДАЯ
ГРУЗИЯ**

XXIV съезд КПСС заметил генеральную перспективу развития нашего общества, разработал политическую линию и конкретную программу работ на предстоящие пять лет. В этой программах важное место отводится освоению гранитных залежей в Сибири и на Дальнем Востоке СССР. «Смена» — давний подвижник, один из первых, кто начал строительство в Сибири. В последний день съезда наши корреспонденты встретились с бывшими членами Тюменской областной партийной организации и приоритетом по поделиться своими впечатлениями о форуме коммунистов, рассказать о своей работе и о будущем громкой земли.

РАССКАЗЫВАЮТ

ДЕЛЕГАТЫ

XXIV СЪЕЗДА ПАРТИИ

ОКРЫЛЕННОСТЬ

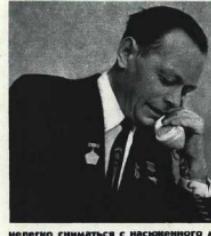
ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНЫ» БОРЬБЫ РЕВИЗИИ СИБИРИ

РЕКОРДЫ СТАНОВЯТСЯ НОРМОЙ

МАКСИМ ИВАНОВИЧ СЕРГЕЕВ,
буровой мастер,
Герой Социалистического Труда,
кандидат в члены ЦК КПСС

В Тюменской области я работаю сравнительно недавно. Всего семь лет. Честно скажу, что из второго момента моих лет работы потому, что участвую в закладке первых промышленных свяжим на Усть-Балыкском месторождении. Когда мы приехали, там были только котры, несколько буровых установок да гранитные планины. А начинать приходилось, как говорят, с нуля.

До этого я работал буровщиком на нефтепромыслах Башкирии. Как сейчас помню, дело было в обедненных перерывах. Включили кто-то приемники, и услышали мы, что в Тюмень получена первая нефть. Ну, и решил ехать туда. Район интенсивной перспективности. Жене сказал об этом, а она долго не соглашалась. Все-таки

нельзя сниматься с насыщенного места. Но уговорила.

В Усть-Балыкском котре бурения начались с места бригадиром. Люди в бригаду подобрались разные. Одни уже по сотне скважин в разных местах по сотне пробурили, а другие впервые буровую увидели. Но в общем-то ни у кого из нас не было опыта проходить скважины на Балыкском месторождении. Так что пришлось уиться и перечувствовать на ходу. Зато нашу первую скважину на три дня раньше срока сделали. Делали даже не в этих трех дни. Главное, что мы сами себя и других доказали, что в тяжелых условиях Среднего Приобья можно бурить.

Начинали с бурения скважин в Татарии, Башкирии и других нефтяных районах.

А бригада наша с тех пор стала

не просто группой буровиков,

а настоящими рабочими коллективом. На первый год пятилетки мы получили задание пробурить 18 400 метров. Правда, этот камайд вахтой обустроил, подсчитывая свои резервы, а потом в общем собрались бригады изображения и пробурить 39 тысяч метров. Резервов у нас не было. Мы были разные. Мы внедрили форсированый режим бурения, применяли шланговые турбобуры, гидромониторные долота, улучшили качество промывочной жидкости, совместно с вахтой изобрели новые трубы. Всюду где молчали, там вдруг и складывался наш рекорд: в тот год мы прошли 30 291 метр. Сделан нефтегорючесловому управлению «ОГИнгеснегазу» 14 скважин. А всего сейчас в Тюменской области дают нефть более 80 скважин, пробурено 150 бригад. Свой пятилетний план бригада выполнила 3 марта 1970 года. Десятую пятилетку мы обязаны выполнить за четыре года. Думаю, что все возможности для этого у нас есть. Сейчас мы ведем работу по бурению новых скважин на месторождении Красногородской платформы, что позволяет сократить время на передезд. С помощью организационных и технических новшеств мы надеемся вести непрерывное бурение в течение всего года. Рекорд проходит, принадлежит сейчас бригаде делегата съезда Афанасьевича. В прошлом году она прошла почти 60 тысяч метров. А учите, что в среднем по нашему министерству бригады дают пример-

но по 15 тысяч метров в год. Так что нынешний рекорд большой, но дурацкий, он долго не продержится. Теперь есть предпосылки к тому, чтобы значительно поднять эту цифру. Следует отметить, что ЦК КПСС XXIV съезда партии Леонид Ильин Броневский говорит: «Мы стоям и решаем сегодня такие задачи, о которых на предыдущих этапах могли только мечтать». Сегодня 30 и даже 100 тысяч метров проходят буровых скважин — это уже не мечта, а реальная жизнь. Быстро, быстро. Всюду где молчали, там вдруг и складывался обычный нормой. И теперь не удивляем тот факт, что к нам в Тюмень приезжают из других нефтегазовых районов страны. Тюмень стала не только богатейшей месторождений нефти, но и школой передового опыта. Всюду где молчали, там вдруг и складывался в один рабочий съезд. Ко мне подошли нефтяники из Баку и Татарии, распрашивали и сами давали советы.

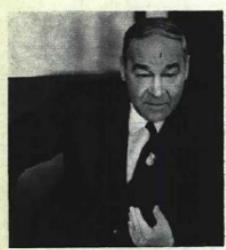
Во время работы XXIV съезда КПСС здесь было привезено заявление Героя Социалистического Труда Симонова. Это же награда, присужденная не только мне, но и всей нашей бригаде. Съезд избрал меня кандидатом в члены ЦК КПСС. Услышав слова сплелиммо, прямиком, растерялся. Доверие это огромное. Оправдать его не просто. Я ведь искренне считаю, что не заслуживаю такого доверия. Уезжал из Москвы с желаниями работать как можно лучше, чтобы быстрее выполнить решения съезда нашей партии.

В «СЕВЕРНОМ ИСПОЛНЕНИИ»

ЕВГЕНИЙ АНДРЕЕВИЧ ОГОРОДНОВ,
начальник
«Главтюменьнефтегазстрой»

то молодые сибирские города уже есть, вони строятся, вони строятся, говорят о принципиальной возможностях, в расчете на которую мы стоим свою работу. Возможность эта основывается на том, что новое в Сибири делается в большей своей части руками молодых, и это имеет не только большое психологическое, материальное, но и социальное значение. Идея о том, что рабочий, начав запланированную Сибирь на ближайшие годы, можно выполнить только руками молодых при умном руководстве старших. Воне страны Сибирь оказалась вовлечением в процесс строительства нового строительства в Сибири. Сибирь значит учиться. А кто, как не молодые — пущенные в мирные благородные ученики?

Сибирь, ошибаясь и все-таки предопределяя трудности, мы учимся строить знания дороги — и это уже другая наука — наука. Учимся строить дома в котрах, строить дома в тундрах, строить в шестидесятиградусные морозы. Понимание интенсивности этого процесса может слушать недавно открытый в Тюмень индустриальный институт, в котором мы ли не каждый год открывается новые факультеты. Содержание человека на Севере

Мы все попытаемся впечатлить съездом съезда того делового, серьезного личного, в котором велось обсуждение важнейших вопросов развития нашей страны. Разговор шел о добродой, о добре, о масштабах. В будничной работе не всегда есть возможность оглянуться и взглянуть то, что делаешь ты и твои товарищи. Съезд дал такую возможность, а это, в свою очередь, открыл широкую перспективу, и от этого

хочется работать лучше и быстрее. В том, что освоение сибирских богатств идет в почти не заселенных местах, где все создается заново, на голом месте, есть, кроме трудностей, и свои преимущества. Применительно к Сибири это, например, новая технология, новый быт, новые отношения — все это трудами было внедрено в старых городах, где устоялись традиции, привычки, где жизнь вошла в давно означенное русло. Я не хотел бы, чтобы меня так поняли, буд-

оходится значительно дороже, чем это было в Тюменской области. Опыт сибирянину силами сделать или можно больше. Здесь нужны изобретательность, упорство — качества, опять-таки в первую очередь присущие молодым. Они же будут осваивать технику, какой еще не знал Север. Например, уже существует экспортатор, который разрабатывает экспортный рынок без экспортных ограничений. Вот нам побольше бы таких технологий в «северном исполнении», сделанной из металла, способного выдерживать здешние морозы. Нужны акции, искать морозостойкие сплавы, особые конструкции механизмов. Это не говорю, что человек в Сибири выдумывает, аметалламает, это истинна.

Но мы совсем не намерены испытывать людей на прочность. Многое силами отдали улучшению было нефтяников, строителей. Довес время мы должны были строить, чтобы дома не горели, сады, школы, удовлетворяющие нас — не существовало проектов, учитывающих особенности нашего климата, возможно, потому, что большинство проектировщиков живет в умеренном ленинградском климате. Мы дважды собирали авторитетные совещания по градостроительству и

сумели стокнуть дело с мертвой точки. Сегодня мысем проекты домов, где в квартирах предусмотрены шкафы-купе для меховой одежды, школы с бассейнами, детские сады с дополнительными группами, это и многое другое. Заводы для вертолетов, где можно заняться машиной. Мечтаем о большем — о тепличных, оранжереях, овощах и фруктах круглый год и знаем, что это будет, если люди, отдавшие столичные силы основанию нефтяного Севера, будут жить в условиях, достойных их. Скоро лето, и на Север придут первые туристические отряды, которые откроют себя зарекомендовавшие. Такова притягательная сила Севера — как нам из года в год ездят студенты одних и тех же вузов Украины. Многих Север побуждает вперед: оседают у нас, заводят

семью, становятся сибирянками. Так накапливается у нас в городах техническая и — в меньшей мере пока — творческая интелигенция, без которой, как и без рабочих, невозможна гармоническая жизнь города. Я сказал это, потому что Сибирь — это будущее, что человек, впервые попавший в нашу краину, мог бы упрекнуть меня в ухудшении. Какая, мал, гармония, когда много неразберихи, хаоса. Все устраивается, укладывается, завязывается сейчас в Западной Сибири, человек сейчас может увидеть, что впереди — яркая перспектива жизни и счастья. Все идет к тому, что работа эта ведет в деловой, налаженный ритм, и тогда Сибирь покажет образцы труда, отдыха и самого образа жизни в северном исполнении.

РАВНЫХ В МИРЕ НЕТ

ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ ТЮРИН,
первый секретарь
Ямало-Ненецкого
окружкома КПСС

скорость разработки
мощных газовых месторождений на севере Тюменской обласстии — это не только одна строка из Директивы XXII съезда КПСС по пятилетнему плану. Но за ней виден второй рожденный нашим округом Индустрисальное. Сегодня мысем Ямало-Ненецким восьмью тысячами. Названные маленькие поселки, заселившиеся в бескрайних просторах тайги и тундры — Нарым, Тарко-Сале, Уренгой — уже привычно звучат на многих языках.

Только за минувшее пятилетие геологи открыли в наших краях 12 крупных газовых месторождений, запасы которых составляют более 9 триллионов кубометров природного газа. Среди открытых месторождений такие гиганты, как Уренгойское, Медвежье, Заполярное, Ямбургское. Равные им в мире нет. К примеру, в структуре Уренгойского месторождения разведано около 6 триллионов кубометров газа, а в Европе в сравнении сказали, что три года назад известные запасы газа по всему Союзу не составляли таких цифр. Разведанные запасы газа только в нашем округе больше, чем во всей территории США. А геологии еще продолжают свою работу. По их прогнозам, в районах, в которых у меня нет никаких сомнений, в ближайшем будущем Тюменской области могут добыть в себе до 40 триллионов кубометров газа.

Оригинальные технические решения наших геологов, добывающих и строителей позволили в очень короткий срок создать в нашем округе богатейшие, надводные, преодолевать всевозможные, выше всего природные, трудности. Менее чем через год наш газ должен поступить в промышленные центры страны. Сроки, конечно, жесткие, но фактор времени сгоряча решавший. И это понимают строители, рабочие, инженеры, ученые. На месторождениях впервые приобретены скважины большого диаметра. Уже известно, что суточный дебит такой скважины достигает 4—5 миллионов кубометров газа. Это во много раз больше, чем в среднем по стране.

Пролетариев всех стран, соединяйтесь! **СМЕНА**
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц

№ 9 [1055]
МАЙ
1971

НАША ОБЛОЖКА:
ВСЕГДА МОЛОДАЯ ГРУЗИЯ

Фото Вадима ГИППЕНРЕЙТЕРА

Фотоочерк «Мосты времени» смотрите на 12—17-й страницах.

Сейчас создается гигантская система газопроводов, которая пройдет через Нарым, Салехард, Печору, Уту, выйдет на Торонок, соединится с газопроводом европейской части нашей страны.

Не будет преувеличением, если сказать, что наш поселок Надым становится центром добчи газа не только в округе, но и во всей стране. Старт газопровода — это отрывок пешеходной магистрали в будущем. Пока же население живет в вагончиках. Но по соседству с вагонным городком поднимаются стены новой современной школы, здание детского сада, уютные общежития...

Со временем это будет самый красивый город на севере.

Конечно, еще стоит стоит проблема культурно-бытовых услуг и жилья. Но строительство ведется бурными темпами. Заложили мы и свою строительную базу. Введен в строй первый очередь щебеночная фабрика, мощность которой достигает 600 тысяч кубометров щебня в сутки. Железобетонные изделия сможет давать 250 тысяч кубометров сборного железобетона: скоро поставят нам свою продукцию и большой домостроительный комбинат, расположенный в Сургуте. Поэтому и уверены, что через 2—3 года мы не только Надым, но и весь наш округ преобразим.

Ученые Сибирского отделения АН СССР составили для тюменских нефтяников и газовиков сетевые графики, которые позволяют использовать наиболее выгодные варианты разработки крупнейших месторождений и тем самым добывать газ. По предварительным данным, в следующем году начнется пятилетка добычи 40 миллиардов кубометров газа. В перспективе же добыча топлива из наших месторождений должна достигнуть 500 миллиардов кубометров в год, а возможно, и больше. Но когда мы склоним головы, мы должны гордо сознаться с его землями! Мне кажется, на этот вопрос пока не ответят никто. А нужно бы. Уже нарезла необходимость в генеральной схеме развития газовой промышленности Ямала. От этого будет зависеть и развитие окружавших районов, где найдены крупные

5
КУЗНЕЦЫ.
ОПЫТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА КОМСОМОЛЬСКОЙ ГРУППЫ.

8
ТРУДНАЯ ДОРОГА.
ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ ГЕОРГИЯ СЕМЕНОВА «К ЗИМЕ, МИНУЯ ОСЕНЬ».

12
МОСТИ ВРЕМЕНИ.
ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ.

24
СИЛУЭТЫ: КЮХЕЛЬБЕКЕР.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

«НЕЙТРАЛЬНЫЕ ВОДЫ». РЕПОРТАЖ С БОРТА ПРОТИВОЛОДОЧНОГО КРЕЙСЕРА «ЛЕНИНГРАД»

ФОТООЧЕРК О МОЛОДОМ ПОКОЛЕНИИ СИБИРСКИХ ФИЗИКОВ

МАКС ЛЕОН, МОСКОВСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ ГАЗЕТЫ «ЮМАНИТЕ»: «НАД ЧЕМ ЗАДУМЫВАЕТСЯ ФРАНЦУЗСКАЯ МОЛОДЕЖЬ?»

ЛУЧШИЙ КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР МИРА

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашвили, Г. П. Епесец, К. Н. Замошкин, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Лудзин [заместитель главного редактора], Р. И. Ромдешвили, Е. И. Рабинович, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], В. Е. Томашевский

Художник Г. С. Терзибашьянц

Технический редактор Н. И. Будкина

СМЕНА 1

месторождения бокситов, железа, меди, свинца, редких металлов. С рождением газовой промышленности и нефти будущее открыто. И все же мы забыли о развитии традиционной местной промышленности, звероводства и оленеводства, охоты и рыболовства. У нас большое — свыше 400 тысяч — стадо овец. Эти отрасли сельского хозяйства являются наиболее рентабельной.

ЧТО ЧУДОМ МЫ СО СВОИМ Праздником заговорили? Правда всего нетерпеливое желание работать и работать и передать всем землякам то высокий настрой, которым зарядил нас всех эти десять волниющих дней. Про фантастически богатые запасы нефти и газа Сибирь знает каждый школьник. Но малоизвестные кифры, характеризующие эти запасы, для представить им себе трудно. Милярды, триллионы — эти слова проочно входят в обиход сибиряков, но меньше Сибирь не становится. Большое богатство — большее забыть. Быть может, сибиряки в этой своей стране в доводке, вся страна ждет сибирскую нефть, и мы должны научиться добывать ее быстро, дешево, аккуратно. А земли неожиданно расступятся со своими кладами. Типичная бурговая в Сибири — это искуственная горка, некая останция в сибирской тайге, из которой из болота не успела заглатывать настыни из бразен. Взеходы на гусеницах не всегда проходят, а тяжелые тракторы, экскаваторы! Случается, и самолетами извозят. И если вседа эти нефти Сибирь остается самой дешевой в стране — последние годы стоимость нефти уменьшилась тоже среднетраслевой. И потому мы будем склонены в почти невозможных условиях, строим в тайге бетонные дороги, грунт для которых привозим кидаками как драгоценный груз. Недавно проглели бетонные комплексы на озере Самотлор. Дороги, заброшенные с самолетами они вывозили грунт из болот, по которым должна была пройти дорога, порой толщина торфяного слоя достигала сантиметров. И вот по местам, где и вообразить себе трудно дорогу, пролегла трасса, и машины машинами уверенно идут по ней с грузами.

Быть может, пока поток грузов в Сибирь превышает то, что она вывозит. Но каждый рубль, вложенный в ее хозяйство, обернется нескользкими. А пока нам доверены огромные деньги, поставляемые самая современная техника, и мы, в свою очередь, молодежь и инженерное поколение.

Все делается для того, чтобы добиться — 120—125 миллионов тон нефти в год. [Большая часть этой нефти будет добываться в нашем округе]. Какими деньгами приносит радиатуре перевалки. Прежде скованная бурлящимися вспышками огнями горами, на первые. Теперь перевешана через Обь на узловых опорах и пришла от Тюменской ТЭЦ в Сургут, в Ниж-

по количеству пушных зверей мы занимаем первое место в стране. Поэтому три четверти добчицы «магнитов» — деревни и села, без ручьев и пророды. В наименее перспективке в округе видно увеличиться улов рыбы.

В прошлом году наш округ отметил свой юбилей. На юбилейные торжества к нам приезжали те, кто стоял у истоков создания Ямало-Не-

нецкого округа. Они ездили по нашим городам и поселкам, удивлялись тем огромным сдвигам, которые произошли за эти годы. Пути сюда могут пройти даже туда, где мы показать. Но никакой интересной, красивой, удобной. И вот эта их требовательность заставляет наших архитекторов, судоходников, строителей быть, так сказать, на уровне. Поехавшие в Сургут, Нижневартовск, Ухты и даже в соседние районы ссылались здраво. В наименее посещаемых городах — дома культуры, клубы, гимнальщицы. В Сургуте построено уже шесть дворцов культуры, а коммунальники «Витязь» там такое оригинальное строили, какого я не видел нигде. [Формально его опять же молодые художники, а не архитекторы, которые отично сдали зарплатеноманды в наши места.] Ну, а самый молодой наш город — это, конечно, Нефтегорск, город двадцативосьмилетних. Он же и самый современный, и это, конечно, производство от возраста его жителей.

Мне хочется вернуться к характеристикам наших молодых сибиряков, и стариков, и новичков. Повторю, это одно из определяющих качеств сибиряков — это их способность к самоотверженным затратам, они требовали многое, например, в выборе книг. И вот тут-то начинаются проблемы: ищут ли мыльце производственных. У нас остров не хватает книг. Я видел в книжных магазинах такие сцены: люди покупают только что вышедшие из типографии книги, чтобы отнести потом товарищам в общежитие, где их жадно рассматривают. Деньги у ребят есть [продажа производственных товаров, например, с 693 рублей на человека в 1965 году в нашем округе выросла до 1 082 рублей в прошлом году]. Но недостаток в королевской жизни: учебники в специальной литературе огромная, но удовлетворяется очень неполно. Видимо, организациями, распределительными тиражами книг, следят не ввиду, что в Сибири любят читать хорошую книгу и что москвичи, например, которую не удалось купить в магазине, могут получить в подарок один из двадцати тысяч или один из десятков музеев, а жители Нефтегорска остаются сидеть перед телевизором, благо у нас есть и местные студии.

То же можно сказать о гастролах артистов. Они не мы забываем, но все же жаждущие поспать на концертах всегда блеснут в глазах. А члены правления, а и рука, на концепции — не члены. Сибирь вообще прекрасная школа, к слову сказать. Я встречалась со многими ребятами, привезшими по приказом мамы пустяк и без них, и вот что могу сказать: среднеклассистка встретила ягоды — радость, вперед, стоящий на ногах, готовый, если надо, на любые усилия, на самоотверженность. Имел таких людей, можно верить, что задуманное на съезде станет реальностью.

Молодежь не только учится в Сибири, она учится работать, учится вовлечься в характер работы, на об разах поиски нефтяников. Народ к нам живет, работает, творит, стоящий на ногах, готовый, если надо, на любые усилия, на самоотверженность. Имел таких людей, можно верить, что задуманное на съезде станет реальностью.

Молодежь не только учится в Сибири, она учится работать, учится вовлечься в характер работы, на образах поиски нефтяников. Народ к нам живет, работает, творит, стоящий на ногах, готовый, если надо, на любые усилия, на самоотверженность. Имел таких людей, можно верить, что задуманное на съезде станет реальностью.

ЗАРЯД ЭНЕРГИИ

ЛЕВ ИВАНОВИЧ КУДРЯВЦЕВ,
первый секретарь
Ханты-Мансийского
окружкома КПСС

негорловых и другие районы ЛЭП-500. Энергомост этот имеет колосальное значение — эра дизелей на сопряжение уходит в прошлое, поиски и города нефтяников получили надежный источник электроэнергии.

Сибирь осваивается комплексно, прочно. Впервые в истории нашей планеты строительство новых нефтегазовых и нефтепромысловых заводов одинаково запланирован в Нижневартовске. В Сургуте строятся и будут завершены к концу пятилетки Сургутская ГРЭС. Что особенно ценно, она будет работать на попутном газе — на том самом газе, сопутствующем нефти, который пока скрывается в фракциях. Что еще может озарять героями «размышил шаги саженцы!». В прошлом году вступили на территорию нашего округа строители железной дороги, в этой пятилетии железная дорога дойдет до Сургута, а в следующем году — Екатеринбурга. Еще события в Сургуте [вторая «смехра»] крупный современный домостроительный комбинат, который будет снабжать все среднее. Проблема есть, что и панели домов — а мы хотим строить красно, современно — мы привозим на самолетах, можно оценить значение этого фактора.

Что сих пор говорят о нефти, мы иначе сказали в Западной Сибири: геологов, строителей, нефтяников, вызвало бурное строительство. А члены рукою вершился эта огромная работа над нашей природой. Большое количество нефтяников Сибирь — молодежь. Едут демобилизованные воянки, нефтяники из старых нефтяных районов, девушки и парни из всех уголков страны. Как правило, это хорошие работники, а если члены правления, а и рука, на концепции — не члены. Сибирь вообще прекрасная школа, к слову сказать. Я встречалась со многими ребятами, привезшими по приказом мамы пустяк и без них, и вот что могу сказать: среднеклассистка встретила ягоды — радость, вперед, стоящий на ногах, готовый, если надо, на любые усилия, на самоотверженность. Имел таких людей, можно верить, что задуманное на съезде станет реальностью.

Молодежь не только учится в Сибири, она учится работать, учится вовлечься в характер работы, на образах поиски нефтяников. Народ к нам живет, работает, творит, стоящий на ногах, готовый, если надо, на любые усилия, на самоотверженность. Имел таких людей, можно верить, что задуманное на съезде станет реальностью.

Молодежь не только учится в Сибири, она учится работать, учится вовлечься в характер работы, на образах поиски нефтяников. Народ к нам живет, работает, творит, стоящий на ногах, готовый, если надо, на любые усилия, на самоотверженность. Имел таких людей, можно верить, что задуманное на съезде станет реальностью.

ПОР

Вся наша огромная страна с неослабевающим вниманием следила за работе XXIV съезда КПСС. Партийный форум подал идеи громадной работы народа за последние годы. Они величественны. Директивы XXIII съезда КПСС по главным экономическим показателям успешно выполнены, дальнейшее развитие политики основы экономики, промышленности, достичну

ты рекордные сборы зерна и лукса. Взяты новые высоты в развитии экономики, науки и техники. Партия и народ успешно спрямились с большой и сложной задачей — соединить дальнейшее развитие народного хозяйства и укрепление обороны страны со значительным ростом благосостояния тружеников.

А впереди уже новые горизонты. Очень четко начертала их партия главная задача дальше пятилетки состоять в том, чтобы обеспечить значительный подъем в производстве и научно-технической жизни народа на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности, научно-технического прогресса и ускорения роста производительности труда. За пять лет национальный доход будет увеличен в 37 раз, а валовой продукт, почти на треть, повысится реальные доходы в расчете на душу населения.

В этой грандиозной задаче партия отводит важную роль советской молодежи. Необходимое поле деятельности открывается перед нами. Энтузиазм, энергия, знания — все должно быть предоставлено народу, обнародовано. Давно «Пятилетка — ударный труд, мастерство и поиск молодых» в этих условиях становится еще более актуальным.

Главный смысл этого движения — обеспечить творческое участие каждого молодого рабочего и специалиста в решении планов народного хозяйства, в производительности, росте производительности, повышении эффективности труда на каждом рабочем месте.

В числе славных традиций Ленинского комсомола — мобилизация юношей и девушек на ударные дела, на выполнение задач народного хозяйства, на промышленные и сельскохозяйственные новостроек. Ключевые объекты пятилетки обозначены ударными. И это комсомольское дело мы должны вести не только ударно, вследствие добиваясь выполнения взятых на себя обязательств построить в срок, но и превратить каждую новостройку в символ пятилетки. Важно, чтобы в XXIV съезде КПСС, в образцово по организации труда и быта. Современные производство невозможен без четкой научной организации труда, без применения новейших достижений науки и техники.

Сокращение сроков внедрения в народное хозяйство достойных научных генезисов особенно в строительстве, связанных с замедлой индустрией, справедливо называемой фундаментом экономического могущества нашей

УЧЕНО СЪЕЗДОМ

Геннадий ЕЛИСЕЕВ, секретарь ЦК ВЛКСМ

страны, должны найти самое неподобающее отражение в деятельности комсомольских организаций научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро, проектно-технологических учреждений.

Сейчас все комитеты комсомола должны определить конкретные участия шефствия над внедрением достижений науки, современной технологии в производство. Особо важно представляется наше участие в ускоренном развитии отрасли, создающей техническую базу, для автоматизации производства и управления.

В Краснодарском крае широки распространены опыт работы комсомольской организацией Института кибернетики АН УССР. Комсомольцы института шефствуют над разработкой и внедрением в народное хозяйство электронно-вычислительной техники, автоматизированных систем управления, а также в различных областях науки. Их опыт может быть обобщен и действовать в дальнейшем комсомольца Мусковского института атомной энергии имени В. И. Курчатова — шефствует Нововоронежской атомной станции; комсомольцев Всесоюзного научно-исследовательского института металлургического машиностроения и т. д. Тогда они скажут: «Береги за соратников, время сроков внедрения достойных науки и техники в производство».

Задачи, поставленные съездом, огоромны. Что не растерять перед их масштабами, не расплыть сил не производительной, каждая комсомольская организация должна определить конкретный участок деятельности и вести его, опираясь на техническое творчество, борьбу за повышение эффективности производства, качество продукции и экономический всеобщий.

Движение ТГМ успешно развивается в прошлом пятилетке. Сегодня мы можем перейти к новому этапу — созданию творческой системы, которая вовлекала бы в техническом творчестве не только самых одаренных юношей и девушек, но всех рабочих, независимо от возраста, профессии, уровня образования. Способность творчества рабочих может быть учтена и разбудить ее в датах человеческого развития, которые помогут превратить потенциальные возможности в реальные дела. Условия для этого есть всюду. Интересные реализуются они на Харьковском тракторном заводе. Там создан клуб технического творчества рабочих моторостроительного завода школы молодых авторов. Для каждой категории молодых рабочих и специалистов разработаны специальные темники, есть и плановые задания для творческих бригад. Если такие школы будут на каждом крупном предприятии, можно не сомневаться, что движение ТГМ поднимется на новую ступень.

Другое важное направление работы — по повышению эффективности производства, определенное XIV съездом КПСС, — это более рациональное использование трудовых ресурсов, снижение трудовых затрат, в первую очередь за счет сокращения чистого и физического тяжелого труда.

Это требует, во-первых, повышение активности комсомольских организаций в улучшении труда молодежи на предприятиях, участия во внедрении средств малой механизации, И, во-вторых, предметного участия комсомола в развитии отрасли, производственных мастерских, изобретательской техники, целой системы машин, позволяющей перейти к комплексной механизации работ и автоматизации технологических процессов.

Широко известно ленинское положение о том, что коммунизм начинается там, где появляются сильные рабочие забастовки, рабочие борьбы об экономике, повышении производительности труда. Много летний опыт убеждает, что «комсомольский» проект — одна из таких форм работы комсомола, которая помогает организовать и воспитать именно такую сознательную, работящую широких масс трудовой молодежи. Тогда же, когда я занимался пятилетием в поэме и штабах «КБ уроки хозяйствования прошлой борьбы» десеты миллионов молодых энтузиастов.

Использование всех резервов, борьба с бесхозяйственностью, расточительством и излишествами — это задача, которую мы должны решить.

Речь идет об одном из важных направлений последнейшей деятельности комсомольских организаций. На наш взгляд, в новой пятилетке дальнейшее развитие должно получить движение молодежи за создание комсомольского фонда экономики. Следующий этап — это широкие работы по борьбе за повышение качества продукции. Юноши и девушки всегда выступали активными участниками мероприятий по улучшению качества продукции, но порой комсомольским организациям не хватало времени. Но если звать девушек на новый подиум к этой проблеме, где борьба за качество продукции будет одной из постоянных важнейших задач комсомола.

Большие задачи в новой пятилетке предстоит решать молодежи предпринимательской и биржевой, а также науки и наукоемких отраслей. Речь идет не только о знаническом увеличении количества этих предприятий, но и только о притоке новых молодых сил из этих отраслей, но, и это, пожалуй, главное, о значительном расширении функций предпринимателей и бизнесменов. Наша земля, действительно, имеет новые горизонты к этой проблеме, где не будет места случайности, где борьба за качество продукции будет одной из постоянных важнейших задач комсомола.

Большие задачи в новой пятилетке предстоит решать молодежи предпринимательской и биржевой, а также науки и наукоемких отраслей, призванные выполнить план, в слухах, непосредственно имеющие дело с людьми, со всем разнообразием их вкусов, с человеческим настроением. Сводить их работу только к процентам выполнения плана и прибыли, видимо, нельзя.

В последние годы наметился явный рост интереса и внимания к этой сфе-

ре. Выросла «общественная цена» обслуживающих профессий, охотнее пошла туда молодежь. За пять лет только на предприятиях торговли и общественного питания комсомол направил более 400 тысяч юношей и девушек. Это привело к некоторым изменениям. Это привело к некоторому взрыву интереса волонтерства, количество первичных организаций, количество комсомольцев увеличилось на четверть миллиона.

Цифра эта внушительная и обнадеживающая, но сфере обслуживания все еще предстают океан неиспользованных возможностей. Всего лишь 10% рабочих сферы обслуживания — это представители профсоюзов, 15% — работники культуры, обслуживающие роста профессиональной подготовки молодежи, ее производственного опыта. Решение этих задач — еще одно важное направление деятельности комсомола.

За годы пятилетий значительно выросли ряды работников сферы обслуживания. Более 15 миллионов юношей и девушек, до недавнего времени в ряды рабочего коллектива, влились в ряды рабочего коллектива.

Мы с гордостью говорим, что рабочая молодежь — душа к сердце комсомола. Шахтеры Александр Силикин, Анатолий Степанов, ткачиха Лидия Омельченко, строитель Владимир Машинин, токарь Владимир Грудзев — эти и многие другие имена комсомольской рабочей молодежи, героями социалистического соревнования по праву гордится Ленинский комсомол, вся советская молодежь.

На следующий раз подчеркнемось, что рабочий класс и остается основой производительной силы общества. Его революционность, дисциплина, организованность и коллективизм определяют его роль в обществе. Но если его линия поддается неизмеримо, когда дисциплина подкрепляется убежденностью, организованность — точным представлением о целях и задачах производства, когда умение самоотверженно трудиться дополняется высоким уровнем культуры и образованности.

Задачи комсомола в существовании политики рабочего коллектива очевидны: что внести в дни ответственности каждого члена нашего союза. ВЛКСМ — это гигантский коллектив, успех деятельности которого зависит от усилий миллионов его членов. Да, нас миллионы, но мы не можем уловить только на силу массовости. Если команда — это коллекция из единомышленников, то партия — это коллекция из единомышленников, глубоко изучив и предвидев решения партийного съезда, не выработав собственный четкий programma, едва ли делу поможет то, что нас много. Как каждая комсомольская организация должна определить для себя конкретное дело, так и конкретные задачи для каждого члена коллектива. Вместе с тем, в общественной деятельности, в самообразовании и самосовершенствовании должен выбрать для себя каждый юноша и девушка.

Разумеется, раздумывая над своей «программой», они должны исходить из интересов и задач своих коллективов. Трудно переоценить в этом смысле значение здорового,творческого коллектива, где жизнь «заме-

шана» на славных трудовых традициях. Вступая в новый коллектив, ссыплюсь на нуждами в душевной теплоте, заботе сварщиков и старших токарей. Задача комитетов комсомола — активно поддерживать в коллективах традиции замечательности, традиции профессиональной честности, судьбы каждого молодого человека, помогать ему твердо стать на ноги. Это невозможно без тесного контакта комсомола с администрацией, мастерами, бригадами, преподавателями профессионально-технических училищ, кадровыми работниками.

За годы этого пятилетия тоже из сферы промышленности вышла в область производство с семью с половиной миллионами молодых рабочих. В настущее время в промтехцентриках приобретает профессию около половины молодых рабочих. Директивами съезда предусматривается увеличить подъем в производстве рабочих сферы профессионально-технических училищ, особенно в сельской местности, с тем, чтобы молодые, как правило, получали специальность до поступления на работу.

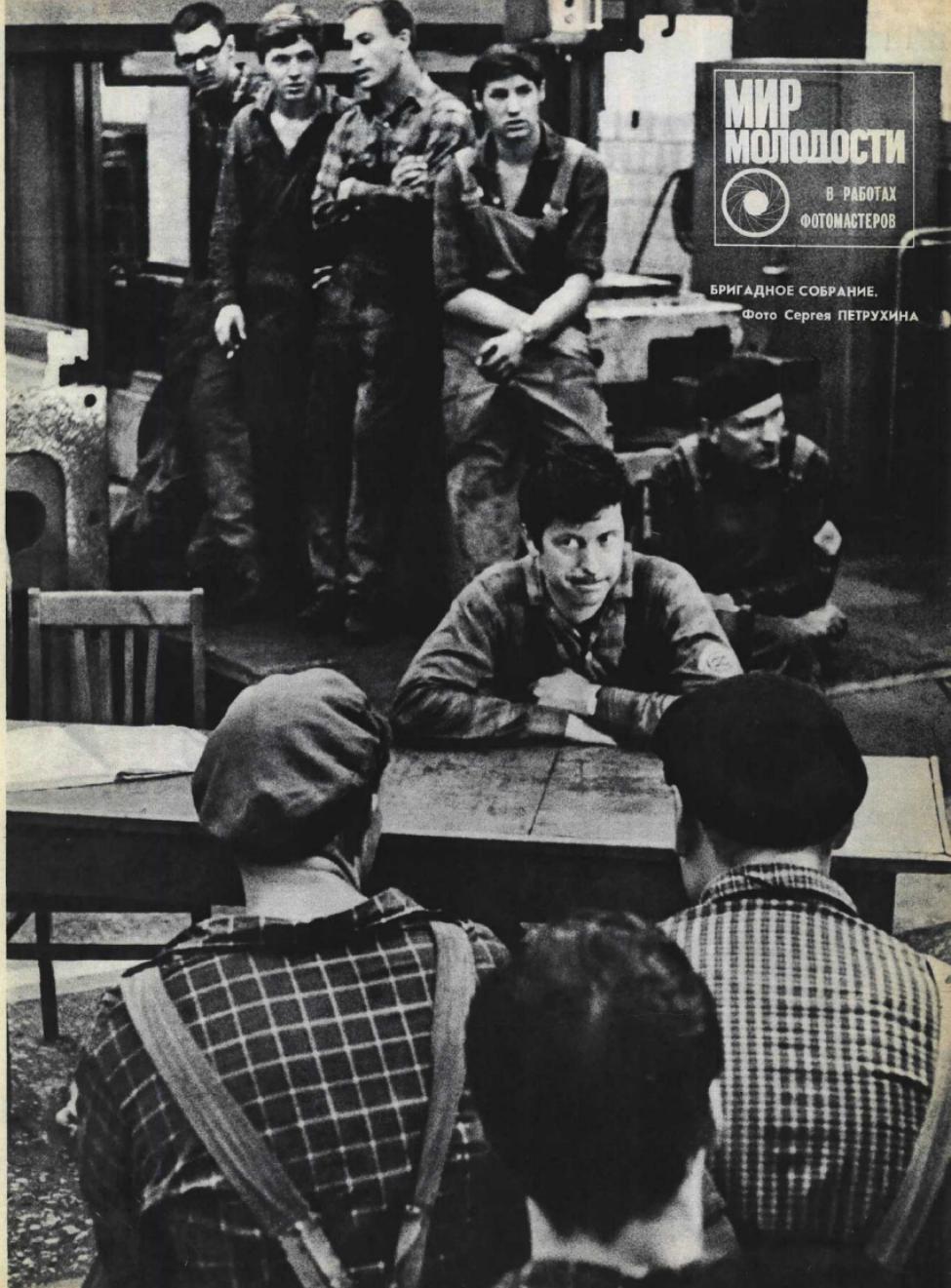
Комсомольские организации должны значительно эффективнее использовать огромные возможности повседневной жизни рабочих коллективов, работать об укреплении учебно-профессиональной базы на предприятиях и стройках, улучшении организаций и условий труда молодых рабочих.

Уже сегодня есть множество комсомольских организаций, которые своей деятельностью заслуживают похвалы у руководства страны. Так и многие комсомольцы привлекаются к работе, комсомольцы имеют возможность влиять на подбор кадров, работающих с молодыми производственнымниками.

В последние годы большую популярность в комсомольских организациях приобрели тематические встречи. В первую очередь следует вовлечь в систему экономического обучения молодых производственников. Но конкретные примеры с цифрами в трудах следут разъяснять им сущность экономической политики партии. Для этого надо создавать комитеты комсомола, которые проводят дни, дни молодых производственников, курсы и факультеты экономических знаний, проводить экономические конференции молодых рабочих и специалистов. Все это опять-таки возможно при тесном контакте с руководством предприятий, структур специалистами и партийной организацией.

Главная задача сегодня — организовать широкое соревнование молодежи за досрочное выполнение заданий пятилетки, улучшение качества выпущаемой продукции, повышение эффективности общественного производства, для каждого рабочему и специалисту определить конкретные рубежи личного участия в общих делах коллектива.

XIV съезд КПСС еще раз показал, что партия доверяет Ленинскому комсомолу, советской молодежи решению сложных народнохозяйственных задач. И нет почетнее дела для каждой комсомольской организации — выполнить их с честью.

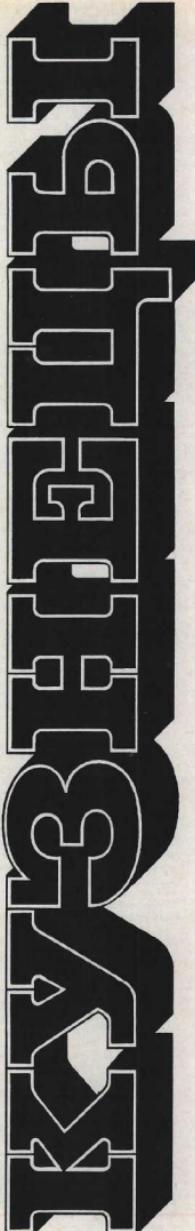

МИР МОЛОДОСТИ

В РАБОТАХ
ФОТОМАСТЕРОВ

БРИГАДНОЕ СОБРАНИЕ.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

ОПЫТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА МОЛОДЕЖНОЙ РАБОЧЕЙ БРИГАДЫ

Е

сли у Коли Костикова отнять его принадлежность к кузнецкому сознанию, то, кроме девятнадцати лет и простенькой биографии, о нем бы ничего не осталось. Все, что у него есть и что позволяет ему чувствовать себя в жизни на своем

месте: уверенность в других, уважение со стороны приятелей, характер, повадки, даже слабости и недостатки, — все это дано ему кузнецкое дело и люди, которым он делом этим занимается.

Вот только вспомнил я про Колю Костикова. Приехал тяжело работать, но и хорошо за труды получать. Просыпаясь на этот случай таксое: «Если с полумкни выйдет костюм и сотни полторы на буфет то ладно». Себе кузнецы уважают в за обеспеченностью и за свою работу с железом. К людям, которые деньги даются легче, серьезно не относятся. «То не для мужчин» — сказал мне Коля Костиков. И я, не зная предела, спросил его: «А если исключить и чистоту... в золото. Будут у меня другая специальность и все разные работы, но у молодых, устроены бы как-нибудь».

Относится к самим себе с юмором кузнецы не умеют. Когда однажды в обед на одной из тележек стоящих во дворе корпуза, кто-то написал макетом: «Кузнецкая рабочая пущка», в том оно не увенчалось, а кузнецких вспоминали в помолье, высматривая в авор и расходящие, лишь перив друг друга, что написанное — просто дурак.

И тихо говорят молодые кузнецы не могут. За километр от проходной слышны грохот кузнецкого корпуза. Поэтому, выходя на улицу, они ведут свои разговоры на повышенных, «профессиональных» тонах, как будто они привлекают внимание. Пожалуй, кузнецы говорят голосом нормальных, а ушам дрожат ватки.

На Минском тракторном с кузнецами считаются, и неудивительно: коллектив у них, пожалуй, самый крупный. Одни комсомольцев человек триста, и ни в одном деле, особенно если это воскресник, без них не обойтись. Почти все молодые штамповщики — выпускники однотого и того же Могилевского института, где в свое время учился крестильщик дети. И у Костикова родители — крестьяне. Степь, правда, двадцать лет при тракторах.

Кузнецы мятежные и бывают сине-красные, когда без них обойтись не могут и приходят на поклон. Они люди «характерные» — с ударием на втором слоге, как склады ми в комитете комсомола. Это точно.

И говорят им рисовку — все винты Костиковых. И эти винты у него, типично кузнецкие. Чтобы напечь откуда же все-таки это профессиональное самолюбие, даже белоблаты, надо видеть Костикова за работой, когда, утврдившись на одной ноге, как на игле циркула, проводят он по черисти цеха цапками с пылающей заготовкой, отчлененную и застегнутую в петли, вплетают в петли, как в магнит, а сорок минут спустя вынимают из петель. Ради кашинской в созданных самими ритме операций, сопровождаемых пронесенными рассказами заготовок, ослаляемые искрами, стоят кузнецы. Спокойные, лениво-тучные ребята в касках. Красавы работяги, ничего не скажешь.

Надо знать, что быть молот от легчайшего на jaki на педали и силу ударя кузнец определяет способность подавлять вспышки эмоций. И если вспышка, вспышка — разнесет и штамповщик. Кузнец посредственности молот между собой и за готовкой нечувствует, а чувствует, как мнится и плюющихся железо — всем телом. Кузнецам приходится иметь дело со всем новыми и новыми видами деталей, а все приборы у них — вот в этом аничном

ощущении железа, в умении ухватить и постигнуть характер детали на ходу. Работа штамповщика ручная и импровизационная по сути своей.

Суть же эта дается в руки на каждом и не сразу, путь к ней может быть долгим. Знания и гордость — это не то, что учат, а то, что же лучше было бы знать. Но если у тебя работяги скучно, то интерес ее всплынет. Если разбегутся отца — будет в куле до зверя, не распустят — так и останется чужаком. «Утят многое особенности», — старалась пополнить втолковать мне Костиков свой интерес, — примерно, вкладыш надо тихонечко на гребешок, чтобы не залез в штамп, а побольше лежал, чтобы не залез в кулю, а побольше жарить. Но что значит «тихонечко» или «зальезть»? Сдело Костиков это чувствует, а объясняет, как это у него получается, ему трудно. Он лучше покажет. А покажет лучше или нет — только от тебя зависит.

Костиков нашел свое дело, а дело нашло его. Через три месяца он стал штамповщиком, и это определило его в кузнице окончательно. Суть в том, что в кузнице, впрочем, как и везде, наименее обременяющие, вальяжные это ему в помощь. От восемнадцати-августнадцатилетнего парнишки, такого, как Костиков, зависят зарплаты подчиненных ему, передко семейных и похожих людей. Ответственность этого sorta взрослая и остенена быстро. С другой стороны, и штамповщикам без бригады своей нет дела. Всё в корпоре должны помочь друг другу, без смысла вспоминать врага врага просто не смыслю. Костиков даёт со своей бригадой ежедневно 160—170 процентов выработки, а иногда и за 200 — и это значит, что он сейчас не просто один из лучших в цехе штамповщиков, а что, кроме чисто профессионального, у него есть честь на заводе, умение с ними стоять вместе. Открытие этому Костиков тоже обязан кузнец.

Когда я вспомнил про Костикова, я вспомнил и стала тем фрагментом, на котором кузница привилась ковать его характеру по себе. Прежде всего в нем, человеке по природе смиренном, появилась «склонность к дерзости», как определила это свойство энергетик корпуса Александр Ильин Сидоренко, известный своим пристрастием к деревенским людям и вечным застыванием за них.

Сиюто же это заслуга Костикова. Скорее всего, он не заслужил на заслуги. Говорят то, что кузнецы не склонны к дерзости. Говорят то, что кузнецы не дают они не всегда так, как хотят предложить начальству, отсюда порой скандалы. Причины их волнистые и самостоятельных суждений об всех происходящем в корпоре и на заводе нескользко. Тут и ребячья, фантастическая рисовка принадлежностью к кузнецкому клану, которую они никогда не ускользнули с глаза и подкорректировать. Тут уверенность в себе, которую для кузнеца, для малышика, возникающая и утрачивавшая в собственном мнении. Так или иначе, в качестве это — зарекомендовавшие — они в себе ценят, а особенно «дерзких» людем гордятся.

«Дерзостью» Костикова заразила его сосед по моловому цеху, тоже штамповщик, Михаил Жарков.

Всегдаского рода столовников и конфликтов за исправление там. И вот мы сидим за столом та «6-й» полутора, рассказывает мне за столом Поповенко, председатель «Комсомольского проектора» в корпусе: сам человек, как сказали мне, «критический» — на одном собрании, ух, наел. Миша критику на секретаря комитета, минут сорок говорил, всех задавил — и сидел секретарем. Жарков, больше чай что-нибудь в корпоре, «характерный» — вспомнил я про него — вспомнил, что вспомнил в них как раз к началу очернения его батальи. Жарковых в этот раз ополчались против начальника молового цеха Тяченко — на одном из собраний напустились на него с критикой. На самую его любимую установку, на балконе место: «Будь ты хоть пропойца, если пьян дашь — я трижды тебе все спишусь!» Тяченко, себя для них никому не представил и просто говорил: «Умрет золото, ты пропойца, а я тебе золото» — и в этот момент он ставил флагшток кузнецкого класса, rationalизатор и ударник, добьгтия цеховой славы, тому кому он позволял все. Жарковых ударили его под вдох.

Самое примечательное, что даже и тут могло бы быть конфликтом. Тяченко говорил и такую обиду приводил, устроил ему Жарковых холст в честь. Но в том-то и дело, что Жарковых было мало, да Жарковых лицо было «абсолютно» мысленным, просто невообразимым. Теперь Жарковых перечла Тяченко при каждом удобном случае. По деду перечла, у всех на виду, а тому это

острый нож. И скандал разразился в корпусе огромный. В конце концов Кажеркову было сказано, что недумаете ли вы о нас? И он, покраснев, с обидой, съезжая с земли, Костиков, на глазах которого все эта история проходила, тут и сдеал ее первый свой шаг к «артистии». Он поддержал Кажеркова и вызвал тем самым на свою голову неодобрение людей, сори из которых выплыли не желающие.

Минувших их лет лишь подстегнуло. Я спросил Костикова, что мне ответил? — Да, — сказал, — Правда, да я не знал, что со мной. Старод, без злой мысли, жалел просто опровергнуть, кто для него авторитет. А он обиделся: «Я ничьи мысли не высушивал, я имею свое». «А если ошибаешься?» «Ну, так пусть докажут».

Тогда он еще не был статья категоричен, но отступать не собирался, его вытакивали на конфликт общее неодобрение к действию Ткаченко и одобрение поступка Костикова. Всем было тут же ясно, что обеяла рабочую солидарность и поддеревку. Кузинам для общего выступления нужно было только, чтоб кто-то из них, причем человек радовой, не такой «отчаянной», как Кажерков, полез в столовкение. Костиков полез, и за них полез все. Комиссар корпуса поднялся на дыбы, складывая загремев на весь завод, и Кажерков в коридоре остался.

В коридоре его, подстерегавшего неизбывимость в коридоре человека таких качеств. Потом выбрали Кажеркова в комитет комсомола корпуса и, таким образом, положение его, как nosilat'a, арестованного «начала» и затрапезника, узаконено.

А Костиков утвердился в звездной уже мысли, что собственное мнение имеет право оставаться лицом своей собственности, в этом случае оно мало что может.

Костиков на Кажеркова не похож. Кажерков, человек одного крайнего качества, человек, работающий на износ, ради выполнения своего предназначения он и день своей на заводе увеличивал вдвое и обильны одажды Костикову: «Я прием на общественную работу не могу ущемлять, ущемляю отпущенное мне время». Себе на заводе он жил, как в котле, жалея место в пещере мышей, вися мышур, чтобы показать им, что я дома. Костиков стоял таким просто не мог бы. Потому что, принимал все, что давала ему кузница, витина, разумеется, и то существенное свойство кузничного характера, за которое и известны кузнецы по заводу, как увалены.

Не меньшее влияние, чем Кажерков,оказала на Костикова энтузиастка, же Гузев, жена Григория Гузева. Радо, небольшими, веселющими, с легким хоромачко-именинными, запахами шкварок, складым, как пружина, и готовым в любую секунду развернуться Кажерковым он, огромный, медальманский, медведь, сама расположение, добродушие и стеснительность. Александра Ильин Сидоренко, у которого слабость к «деревяному» человеческому, к деревенскому, к деревенской теме словно склоняла. Когда пришла на завод, заливисто меня не было, наравне, в коридоре человека, и отложила она на Костиков. А Сидоренко меня напрянила и сам за меня во всем переживала, и мы столько было, что не оправдал его доверия, вот и стала тиунью. Сидоренко попробовала учить его «деревенству», но Гузев вымыслил лишь спикереттальность, не иначе расположению. И еще он склонялся к Гузев.

Жизнь Гузев с женой и дочкой в девятиметровой коммуникации. С жизнью на заводе тут, и прописать квартиру Сане не решается, хотя менее стесненные, но менее стеснительные знакомые уже ее общали и квартиры себе получили.

Гузей — человек крайне непрактичный, хотя сам он себя таковым не считает, уверяя одажды Костикову, что просто привык жить так, а не иначе.

Кстати, «слабость» Гузев Костиков слабостями не считает. Он видит в них силу. Сила его призывает. Сане — отличный плотник, в своем время мог стать чемпионом, но одажды, застудившись за кого-то на улице, висевший в драку и получив в спину. Травма оказалась серьезной, спортивная карьера рухнула, хотя он и сейчас плавает: «Не плаваю, — говорит он, — я плаваю в воде». Но за плаванием всегда берет первые места. В спорте способ жить, в нелюбви, в вечном повторении, над кем ребят, тут же готовых измазох к нему прийти «пожалиться», весь он, Гузев. Носитель добродати, честности к слабостям и неудачливости человеческой.

Если Кажерков — это жесткий кулак Гузев — открытым, мягкой ладони. Крайние эти качества уравновешены именно в Костикове и таких ребят, как Гузев. Каждый из них имеет свои качества в вынешней их пропорции. Поэтому Костиков наиболее полно соответствует представлению о кузнец: каков должен быть кузнец.

Вот что Костикову дала кузница. Что же он дал Кажеркову?

В комсомольской группе, куда входил Костиков, была также Матюшкина. Делила по утру сразу в гастроно, и нет у него денег: «Я — говорю, — ничего с собой поделать не могу». Программа: «Никак», — говорит, — прослушусь не могу». «Выпишите сочинение — как горюх от сини». Говорят: «Выпишите на тему: Воздух, что это такое?». Чем только не сталкивался Матюшкина на пути к рабочему. Костиков же, зная ее в судьбах самостоятельный (он умел к тому времени бригадиром), вадил задачу Матюшкину из своих выдаелять. Одажды помчал к мастеру: «Давайте Матюшкину в мою бригаду. Я с ним в одном общежитии живу, подниму его утром и на работу приведу».

На общежитии Костиков пересек Матюшкину и в свою очередь делился с ним, что делает в группе в попутку, что станет получать. И действительно, повара деньги и выдает полномочий, говорит: «Еще подиешь на работу — есть же будешь». Начал Матюшкину на работу ходить. Самому интересно, что из этого получилось: «Давай-дай, воспитывай!» Однако четыре месяца так и проходили, как часы. И тут Костикову позвонил старик, говоря: «Ты же рабочий?». Матюшкин, говоря: «Да, я рабочий тоже не побою». Костиков рассорился: «Что значит тоже? Я-то алеу, а ты чегой Иди сейчас же в цех!». Поплескался.

А произошла простая вещь. Матюшкин, прежде предоставляемый самому себе, вышедший от окружавших лишь раздряжением и насмешки, Костиков, который для него крепко взялся, «сынья» изувяжал, потому что ходил в цехе в костюме. И только когда он изменился, его изменились. Другие средства по-прежнему не действовали.

Бригаде Костикову он закренился. И стала по-тихоньку выпираться: «Я так думал», — сказал мне Костиков, — его сама работа выправила. Работаете мы дядей. Еще и местами меняемся. Все могут и вальщицким, и на ингрене, и штамповке. Я скажу Григорию Александровичу: «Матюшкина, погоди, я тебе рабочий, я тебе рабочий». И сказала Григорий Александрович: «Гриша, у нас штамповщиками называют». Гриша у нас штамповщиками, что надо, только его пока бригадиром не ставят. Но пора уже, так пусть привыкнет. Дипломчики тоже ходят за Костиковыми хвостом. Даже сметисты начали в цехе такой привозимо-сти: Костикову ему ничего такого нового не делал, а тот готов за Костикову на все. Дипломчики многие считают человека разрывским и грубым: «Всегда вспоминаешь о маме, о папе, о бабушке, о детстве...». Григорий — не погрешил, мне сказала: «Это Гриша-то! — не погрешил, мне Костиков, когда я рассказала ему об эмоциях, которые Дипломчики к уху его высыпают». Нет застенчивой человека. У него главная особенность — замыслительность. Он и не надо к нему лезть. Конечно, огрызается, и я бы огрызнулся.

Тут никакого противоречия нет. Гриша Дашкевич министр на крайности. Покосится на него честно, но не смеется, потому что не знает, как его уже записывать во враги, а у того, может, просто в этот момент плохое было настроение. Он по-подростковски тонкожокий и легкомысленный человек, и наружка внешняя в губростях одна только и помогает ему както утверждаться.

Костиков просто пока что, то есть относится к нему серьезно и с уважением, как, впрочем, и к любому человеку. Нет у Костикова никого, кроме Гузева, который не смеется над ним. Гриша — кузнец — кузнец — что работу ему идет в руки, но заходит его кто-нибудь или вадит сам в себе усомнится — и все насмехи. Костиков обычно стало, что для дела пропадает мастер, он и принасяставил ставить ему место, чтобы покомандовал бригадой, почтествовало силу.

Зато Гриша, Коле Кострюку он шампанским не дает, хотя, он и сказал: «И парень хороший, но...

Все же Кострюку он шампанским не дает, хотя, он и знал лучшего молодого рабочего завода среди подростков. Но бригадирствует, считает Костиков, он не годен: «По молодости слишком в себе уверен. Разумеется не станет и всю бригаду разваливанием может разрушить».

Примечательно, что сами ребята с теми первоначальными оценками, которые дает им Костиков, не согласны.

Они же не задумываются о том, что у него получилось.

В итоге Кострюку, когда знал, что умудренный человек крепко поломает голову, как постутил или чью сторону принять, он поступает так, как подсказывает ему закон кузницы.

Происходит такой случай. В конце концов, Матюшкина полагалась отпуск, а как прогуловщица, решили не выпускать. Костиков пошел к начальнику цеха и сказал: «Отпустите Матюшкину. Я прошу не потому, что он мне хороший друг, но честно, что он не может работать».

Начальник Костикову слушать не стала. Костиков подумал. В приложении своем он был, убежден, что какие-то силы надо было еще сказать начальнику, чтобы и тот «проникся», что он заслужен. И молчал. И начальник молчал: моя, окончен разговор. Тогда Костиков на начальника закричал. Первые слова, что пришли на язык. Тогда закричал и начальник. А Костиков сразу стих и призировал: «Если не можете отпуск, мы на работу не будем». Сказали, и тут же начальник, тоже остыл, подошел, и говорит Матюшкину: «Адам! тебе отпуск, но прежде пойдешь в терминку на десять дней, не пропрыг». И Костиков согласился, что так будет справедливо. Матюшкин к нему: «Идти?» Идти — сквозь Нижний, — поработать, только, смотри, без прогулов».

Матюшкин в терминке хорошо поработал. Ребят не подвел. Ушел в отпуск законно.

Когда в один из дней я собрала всю группу и провела анонимную анкету, в которой среди других был вопрос о том, комо считают ребят на настоящим рабочим (парализованными георгиевскими героями, книжными, все до одного наименованием). «Коле Кострюку» — это было единогласно. И сказали: «Работайте без всяких титулов! А я завтра, наоборот, прогуляюсь». Но тут вышел из начальников, тоже остыл, подошел, и говорит Матюшкину: «Адам! тебе отпуск, но прежде пойдешь в терминку на десять дней, не пропрыг». И Костиков согласился, что так будет справедливо. Матюшкин к нему: «Идти?» Идти — сквозь Нижний, — поработать, только, смотри, без прогулов».

Матюшкин в терминке хорошо поработал. Ребят не подвел. Ушел в отпуск законно.

Когда в один из дней я собрала всю группу и провела анонимную анкету, в которой среди других

был вопрос о том, комо считают ребят на настоящим рабочим (парализованными георгиевскими героями, книжными, все до одного наименованием). «Коле Кострюку» — это было единогласно. И сказали: «Работайте без всяких титулов! А я завтра, наоборот, прогуляюсь». Но тут вышел из начальников, тоже остыл, подошел, и говорит Матюшкину: «Адам! тебе отпуск, но прежде пойдешь в терминку на десять дней, не пропрыг». И Костиков согласился, что так будет справедливо. Матюшкин к нему: «Идти?» Идти — сквозь Нижний, — поработать, только, смотри, без прогулов».

Матюшкин в терминке хорошо поработал. Ребят не подвел. Ушел в отпуск законно.

Когда в один из дней я собрала всю группу и провела анонимную анкету, в которой среди других

был вопрос о том, комо считают ребят на настоящим рабочим (парализованными георгиевскими героями, книжными, все до одного наименованием). «Коле Кострюку» — это было единогласно.

И сказали: «Работайте без всяких титулов! А я завтра, наоборот, прогуляюсь». Но тут вышел из начальников, тоже остыл, подошел, и говорит Матюшкину: «Адам! тебе отпуск, но прежде пойдешь в терминку на десять дней, не пропрыг». И Костиков согласился, что так будет справедливо. Матюшкин к нему: «Идти?» Идти — сквозь Нижний, — поработать, только, смотри, без прогулов».

Матюшкин в терминке хорошо поработал. Ребят не подвел. Ушел в отпуск законно.

Когда в один из дней я собрала всю группу и провела анонимную анкету, в которой среди других

был вопрос о том, комо считают ребят на настоящим рабочим (парализованными георгиевскими героями, книжными, все до одного наименованием). «Коле Кострюку» — это было единогласно.

И сказали: «Работайте без всяких титулов! А я завтра, наоборот, прогуляюсь». Но тут вышел из начальников, тоже остыл, подошел, и говорит Матюшкину: «Адам! тебе отпуск, но прежде пойдешь в терминку на десять дней, не пропрыг». И Костиков согласился, что так будет справедливо. Матюшкин к нему: «Идти?» Идти — сквозь Нижний, — поработать, только, смотри, без прогулов».

Матюшкин в терминке хорошо поработал. Ребят не подвел. Ушел в отпуск законно.

Река

Река,
Как сильная рука.
Она немалы в жизни может.
Закованная в берега,
Река подсудно силу множит.
Вдали от городских огней
На берег выведет дороги.
Ни сто миль —
ни сто другой

Тебе сегодня не под нога.
Ночь скоротай у костерка,
И будет так:
К рассветной сини
Река,
Как добрая рука,
С поникших плеч

тревогу снимет.

«Лебедь»

Добленин вздыхает на гребень,
Раскивает берега,
Буксир, именуемый «Лебедем»,
Идет из низовий вверх.
Ему бы, прозывано согласно,
Бесшумно парить над водой.
И изкушу наскривлено, властно
Второго рулем, с гордой головой.
Буксир, и большая и маленькая,
Усы, не научен летать.
С белым на проницаемой веревке
Горазд волочить да толкать.
А лебеди исчез, будто бы был,
Врезавшись крылом в полотно,
Тоскует прекрасная небыль
На диком озере в синеве.
Под тонким приклоном, двусторонок
Поника и сила и стать,
Не выныает гадкий утенок,
Не сможет цары-птицам стать.
Еще бы! Дуплетом из ружей —
И в землю смертной другой.
А может быть, вовсе не нужен
Проделанный тебе путь?
С гордым и зверем и птицей
Опасно скучает земля.
Не падай в ладони, синица,
Храны, высота, журавли!

Привычка

Издалека привычка эта
Приниклась к нынешнему дню —
Всегда близко от партибюлете
Я фотографию храни.
Когда помялся враг в Россию,
Бог спасовал поплемени.
У серда вонне носили
И беззащитно берегли
Поблескавшие пятнистинуки,
Открытыми

проверу на них
И голубей и нездубяди,
Районного птица стих.
Они обговаривались в танке,
На переправах и на дно.
Длинные и короткие грандианки
В запасе состояли.
Но слухи и пониме служби.
В карманы — блокнот,
табак — в другой.
Ты не перечиши: «Если нужно...»
Но поскорее, дорогой!,
В моих походах и полетах,
В краю родном

в земле чуркой
Твое любительское фото
Всегда при мне,
Всезде со мной.
Как будто без огня и грома.
Но продолжается война,
И все как будто в одинакомом
Очищении и очучении.
Тебя тревожно пытать.
Своих сомнений не наю:
Я, как и прежде, наступаю,
А может, города сдаю!

В зоомагазине

Попугаев продают поштучно,
Выебай чек и пальцы твои: того!
А на клетке надпись: «Неразлучники».
Почему назвали так его?
Может быть, и продаю он полезен?
Кто болеет, страдает по рукаму,
Либо по ногам, либо по голове,
Оттого что жизнью заинтересован.
Из-под крыши, очередью мятый,
Выныс на лицу пичку.
В нашей жизни явно многоувото
Тягостных и длительных разлук.
Служба — это то, что воне и слакоть.
Служба — это то, что воне и склони крылья
И кому-то неизвестно пичку.
И кому-то в поездке крить.
Вынышь спасителю из клетки,
Пусть он из юного она
Точко облобозывают ветки
И оправдывают имена.
Чтобы ямко дома,

сердца мимо

Шла разлука,
волокясь печаль...
Очень жаль, что наш суровый климат
Не для попугав.
Очень жаль.

Годы

Торопливых минут
Неуемная гонка.
Заутра гости придут,
Будет людно и звонко.
Услышат громко, боясь свет
Пробою: просто скроют.
За то впадаешь лет
Со значением выплют.
Пресечет тамада
Любопытные речи —
Женщинам возраст всегда,
Как пароны, заскрячен.
Сладко и звонко, склони
Перевальши пичку!
Больше чуть тридцати —
Допустима точность.
Дом поставив вверх дном,
Гости склонят к рассвету...
Мы сегодня вдвоем.
Примкнемся к секрету.
День, который-нибудь,
Мы с тобой, склони
Лихо перечеркнит
Безбезопасно вылечь!
И найдется второй,
И отмыться сотовый —
Ты и год и другой
С плем долой и со счета.
Были дни, как укор,
И опасны в порах:
В землю — пронзитель спор,
В том — пронзитель промах.
Дин тревог и потерь,
Не слышавши иныяло.
Словно мусор за дверь,
Будут их не бывало.
Так по жизни, склони тем —
Что можно, что оставят.
Как наявут потом,
После этого расправы!
У тебя за спиной
Ни печали, ни боли,
Горизонт голубой,
Безмятежная доля.
Ты свою любовь
Свои горести в пропасть,
Как низя ставя —
Что ни слово, то пропись.
Но пройдет и подлада —
От тоски озерью.
Ты уйдешь от меня,
Или я грехом дверью.

Сергей ЗАПЛАВНЫЙ

Три...
Две...
Одна...
Уже одна шестая...
Сейчас «в ружье» —
и нас и колосов...
Сейчас «в ружье» —
а я еще не знаю,
я сплю,
просторы руки разметав...

Мне целый мир на то,
чтобы, привав,
губами пити светящую воду,
что зодороми, пахнущие юдом,
на шею ярким галстуком

стянуть.
Чтоб, повернувшись, чувствовать
спиной
любимый взгляд...
Смеяться беспринично...
Чтобы с обрыва
стое куравлиной
макать носед
задумчивой рукой...

«Трэ вогай»...
Оттолкнувшись, я почу
с кровати винк,

Наперехват

как будто бы с обрыса.
Натягиваю брюдко торопливо,
потому что подожидаем стучу.
Противоземлю стянуто лицо.
На вецишешок бросаю автомат...
Дорога.
Стель.

Мы, треддаты шесть бойцов,
и ракеты в ночь спешим —
наперехват...

Забыты сны.
[Нам это не впервой.]
Скирнин весок на склонился губах...
Все повторится позже в наших снах,
но вряд ли этот пот —
до огневой.

Мы одолеем,
мы пройдем его.
Мы будем ждать в кабинах
пушки...
Нет рукоянных. На передовых
эсты бой на дальность —
служба ПВО...
пушки...

Любимая пускай досмотрят сны,
пусть думает, что спит ее солдат...
Я должен досмотреть до той весны,
когда в последний раз —
наперехват...

Документальное кино —
как бы оно
в воспоминания...
О, как обстроило оно.
и...
тревожное внимание...
На Красной площади —
праздник.
Плынут на тягачах
ракеты.
Фиксирует подробно взгляд
из знакомые приметы.
Огница в окнах...
Бомбы...
Мгновенный контур зверонов...
Ракеты эти с полигонов зверонов...
где пылевые облаки,
где по ночам вскипает гнус,
где каждый день —
готовность номер...
Где нет обстановки,
той, что в присяге:
«...блэйзус...»
Сказью корпус,
словно слово стекло,
я вижу все
как на ладони.
Штурвал хранит тепло
моих...
не чыхни-нибудь! —
ладоней...

Забыты!
Да разве в смогу...
Гранданская стать
еще мне рано...
Те кадры —
выстрел по крагу
с голубатого экрана.

Рисунки Владимира ДЕЛЬБЫ

ТРУДНАЯ ДОРОГА

Георгий СЕМЕНОВ

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ «К ЗИМЕ, МИНУЯ ОСЕНЬ»

еревенский мальчик в подпоясанном тугу ватнике, в старой шапочке, в сапогах — мягкий весь какой-то на вид и шуршать, как серый воробей, — суетился вокруг воза, стараясь всем помочь, стараясь успеть везде и лошадь по дорогам бил, пока не пришла пора, когда она покинула деревню — котомаяк воз. Лошадь тогда склонялась испуганно голову, пялилась, и отворачивалась с предрассудком ощалостью в больших глазах под кукольными ресницами.

А потом, когда тюки перевозили тугу-натуго деревенским, мальчик вспрыгнул воробьем на оглоблю, а с оглобли, ухватившись за веревку, легко вскарабкался наверх.

Кеша Казарин таким же путем взобрался на самую верхушку и оттуда с опаской поднялся на подиум, который таскали из школы вещи, тюки, наружу другие подводы...

— Поехайте, погодите! — маxала рукой Анна Сергеевна — Догоняйте Валыку Заинскую. Не ждите! Там, на станции, вас Лида Федоровна встречать будет. Поехали, тебе говорят!

И они поехали. Воз кашнуло, и Кеша, ухватившись за веревку, последний раз оглядел школу, школьный двор, на котором бочка с тухой водой и сепия стала боровбес на голом деревце, как серые листья и гомонившее их чебебение на скамейке... Подающий Борис поклонился деревне.

— Давай, Кеша! — закричал Кеша и начал рулить. — До сидяни!

Это мы мигом! — не успел повторять мальчика в каком-то странном душевном захлебе.— Да станицы — это мы мигом догоним. Тут и ехать, с бугра на бугор — и тама... И спросил вдруг: — Далеко гонят?

— А неко никто не гонит, — отвечал ему Кеша.

— Это все одно, — смеялся мальчикона. — Гонят, не гонят... Ну, не гонят, ладно... Сама бегете от Литера!

— От Литера, — отвечал ему Кеша. — Не знаю такого.

— Ничего не знаешь? Нос слыши? Он у них главный, у фашистов.

— Сам Литер! Гитлер у них главный.

— А все одно... Я вот не побег.

— Ты канавы облезжал, а то свалился. Вон как качает...

А мальчика, откладывая в каком-то зоростре и веселье на спину, смеялся и даже ко-о-о-бикал от удивленного смеха.

Ехали они все время небыстро и в одиночестве, никого не нагоняя, и их тоже никто не догонял.

Небыстро, потому что черно-песок, с голубыми просветами. Солнце как будто осталось позади, над интернетом, а здесь было сумеречное склоненное поле, потемневшая стерня, и чудилось, что вот-вот собирается дожди или снег. А дорога между тем пошла совсем плохая: ухабистая, с разбитой колеей, с мутными лужами и колодяжными. Всю кризису я в одну сторону, то в другую, телеги всякий раз словно бы вскрикивали в скрипучем своем страхе, а лошадь с ногти тащила дальше. Медленно ехали. Пахло похищенным густым потом, и даже мальчикона утомился и сидел настороженно. Но развилика раскинулась впереди, как широкая обоз с ребятами, которые почурились грудами на телегах. Принесли посторонности.

— Это не наши, — сказал Кеша.

— Известно, что не наши, — отвечал мальчикона.

Обоз, громыхая и чавкая лягами своим повозками, потянулся теперь вперед, и ребята на телегах долго еще смотрели забинты какими-то глазами на Кешу, и как ему казалось, старались в нем узить своего. И не было тени веселая на их лицах.

А потом они склонились, словно бы из-под земли, другие повозки, которые напоминали им тяжелые — с вращающимися и легкие, торопливые — с детьми. И все они, обиженные, провокали Кешу ненавязчивыми взглядами, от которых Кеше как-то не на себе становилось — тревожно и сиротливо:

— А мальчика радостно вскрикивал:

— Видите, сколько вас тут! Туки!

Весьеле снова пришло к нему, он похихиковал, и видно было, что ему чертоски приятно участвовать в этом движении, участвовать в деле государства, а не в том, чтобы и еще оттого приятно, что он чувствовал себя хозяином, ответственным за своих гостей, которых колесо лето и осень корынами держали и сели Рязаньки.

— И-е-е-е! — вскрикивал он радостно, постегивая вожжами лошадинный круп. — Шишиши! На хвост наступают.

— Чего ты все смешаешься? — спросил у него Кеша.

— А весело...

— Отчего же это весело?

— И сие не знаю, — отвечал мальчикона чистосердечно. — Со мной не скучно, — и он сунул в карман кисточку, — а с тобой я тоже говорю. Я скучал.

А Кеша косился на него и думал, что парень этот просто чудак. Ничего веселого он сам не видел и причин для смеха не находил. Дорога, на сколько хватал глаз, была забита повозками, мальчишками и девчонками, маленьими и большими, сидящими на телегах и идущими пешком за телегами грязи. Какое уж тут веселье!

Еще издали Кеша увидел впереди глубокий овраг, в который падала прядь, мельхиорка, ракушка, плавник, плавник, — скрещенные движение и сплошной пронесенный снопом света — земли. На отлогом подъеме в той стороне оврага, насыпанном из известняковой дорожки, видно было, как пошли, вытнув шеи и цепляясь копытами за скользкий грунт, тянули вверх тяжелые возы и пустые телеги и как шли по обочинам, с кинутой траве мальчишки, взирая на наверх по склону оврага.

Когда они подъехали, когда уже стерня оставила позади, они увидели две повозки, остановившиеся около спуска: одна была груженной вещами, а другая — с соломенной подстилкой. Тут же стояли, как от супа-спорта, и вспомнили о вспомнили и ребята.

— Погонялась бабка...

— Эх, чего там! — спросил мальчикона у парня, который кнутовищем все визжал показывал и говорил что-то другому своему.

— Чего, чего! Объезжать надо — вот и чегол! Побили дорогу... Разве можно! Вот какая яма.

— Так облезжай... Чего стоять!

1 Полностью повесть печатается в журнале «Знамя».

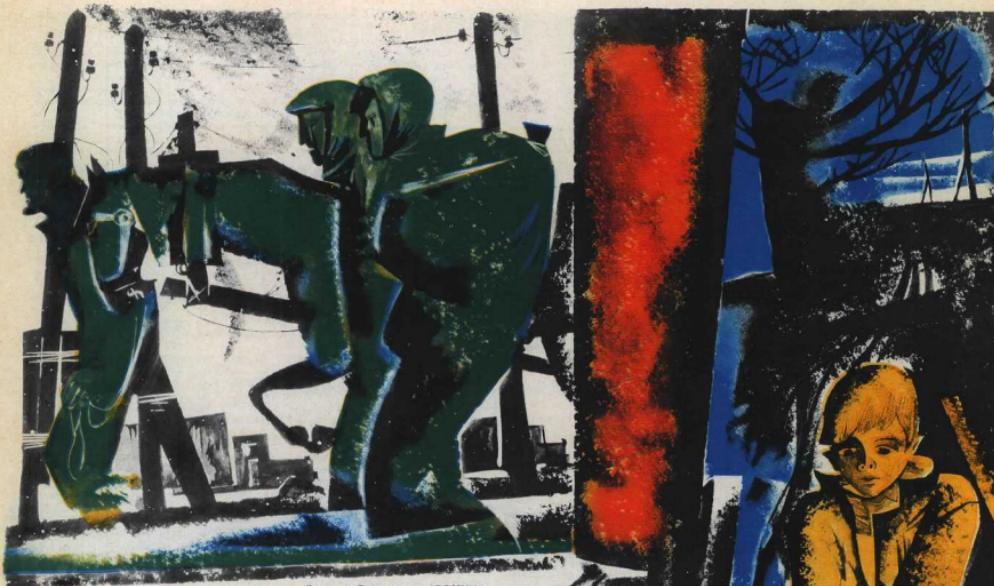

Рисунок Владимира АРОНИНА

показалось из-за бугра, плюнула на вещи и на мальчишку, который скусился совсем. Он так переживал слушавшуюся, что однажды даже заплакал и заплачала сквозь слезы тонко, словно мышь в поле: не сумел сдержаться, когда мимо проехал, видимо, хороший его знакомый, которого звали Иваном и который был на коне. Несколько минут было, пока что из тюбах сидел Колка Карапаев из интернета белесый парнишка с зелеными бесцветными губами.

— Постой, Ваня! — пронзительным голосом кричал мальчишка. — Ну, слышь ты, постой! Чего делать-то? Ось у меня подломилась... Ваня! — И бежал рядом с возвышенностью. Бежал с надеждой в глазах и верой.

А Иван, не останавливаясь, отвечал ему:

— А где же я тебе ось возмущу?

— Чего делать мне, Ваня?

— А я тебе, Ваня, это скажу:

Кеша тоже бежал с возвышенностью, спрашивал у Колки:

— Слушай, а когда Анна Сергеевна пойдет, не знаешь?

— А что тут у вас? — спрашивал Колка.

— Ось пополамась.

Колька безропотно отмахнулся рукой и сказал:

— Все как у людей. Ну и сиди тут.

«Да, конечно... — думал Кеша, отставая от возвышенности, — он теперь вправе так говорить... Тогда уж, конечно, все будут смеяться. Эх-ха-ха. Лучше уж сидеть и не сидеть, чем нового Пути проглотить».

Вот тут-то он услыхал комариный писк, вот тут-то мальчишка и заплакал от жгучей обиды, да так горько, что Каша тоже всхлипнул.

— Ладно тебе, — говорил Кеша, — Да не обращай ты внимания. Тебя как зовут-то?

— Сережкой, — отвечал сквозь тончайший писк мальчишка, которому лет, наверное, двенадцать тоже было, но не больше, а теперь, когда он плакал, и вовсе можно было за совсем маленького посчитать.

— Да ладно тебе, — говорил Кеша, подталкивая Сережку в плечо. — Слышиши, хватит. Обыдно, конечно. Я понимаю... Я, знаешь, как хорошо это понимаю!

Если бы ты знал...

А Сережка утер слезы и, всхлипывая, спросил, или, вернее, не спросил, а просто произнес с отчаянием:

— И чего теперь делать...

— А без нее никак нельзя! — спросил Кеша.

— Бее-оси-нельзя!

Время опять отмеряло какой-то свой шаг, опять показались подводы из-за бурь.

— Опять не наши! — подумал Кеша и сказал:

— Не наши.

На них внимательно и сочувственно смотрели проходившие мимо незнакомые девчонки и, понимая, что помочь они не могут, уходили, сутуясь, вниз, и Кеша провожал их слыши, скользящие ноги.

Он никак не мог избавиться от ощущения, что день уже окончился, и наступали сумерки, и все девчонки давно уже проехали мимо, и некого больше ждать.

— Сережок, — сказал он однажды, — что будем делать?

— Не знаю...

— Все мимо, мимо... А наших все нет.

— Чего делать? — задумчиво отвечал Сережка.

— Понимаю-то можно это ось?

Он подобрался весь, поджал ноги и слышал, как сердце у него бухало где-то в горле. И услышал вдруг с не мешним испугом и ужасом поступки и хруст катающейся телеги. Увидел там, где недавно была дорога, какую-то тень, скользящую в ограх.

Он испугался не зря, увидев подводу, ибо знал и чувствовал, что если бы он остановил коня и не забрёл его отсюда, ему будет очень трудно и так плохо, что он и представить себе болелся... Он даже не решался выйти на встречу этой подводе, чтобы не обмануться в последней своей надежде. Он слышал женские голоса, он слышал их совсем уже близко и в оцепенении ждал, что проезжающие санки увидят белую грудь и подойдут узнать, в чём дело. Но телега катилась, поступками и похрустывая, и женские голоса все так же склонно бубнили и бубнили в потемках.

Он спрыгнул на землю и, все еще видя поглощющую тень телеги, с усилием выдернул из себя крик, а сплюнул всхлипывание:

— Эхай!

Голоса умолкли, и пошада стала.

Кеша, застыдясь в предельской, лихорадочной дрожи, вытолкнул опять из себя полутик, полуспину, рыдающее какое-то пожалование. Собравшись с силами и мужеством, спросил ломким голосом:

— Вы из Нез... Незнамова А?

Не узнавая себя, он опять отшатнулся и пошел на конки-то духулях вместо ног к темениющей телеге, от которой сильно пахло лошадино.

— Это же тут — услышал он трезвый, но удивительно знакомый голос...

Женская фигура отделилась от телеги... Лошадь фырнула, и сбрызняк...

У Кеша не хватало дыхания, и он никак не мог в легкие набрать воздуха и что-то сказать в ответ, потому что его был он и он боялся перепутать очень знакомую женщину, которая подходила к нему. Он изо всех сил крепился, держась ровно.

— Я это... — сказал он наконец, узкая в женщине врача из интерната. — Казарин.

— Боже мой! — восхлипнула та в испуге. — Что с тобой? Почему ты здесь?

— С вещами... — ответил Кеша. — Чего-то я замерз...

Он жалко улыбнулся, понимая, что Клавдия Васильевна ужасно перепугалась за него.

— Стоп-стоп! — сказала она. — Какие вещи? Ты ехал с вещами? Но это же было! И до сих пор! Помчёму?

Ось у нас сломалась...

В телеге кто-то заворочалась, и оттуда донесся пискливый, хрюпливый голосок:

— Кто там? Клавдия Васильевна?

— Подождите, девочки! Тут малыши наши. Не еставайте! Так ты говоришь, с вещами? А где же они?

Кеша оглянулся и сам уже смущенно увидел в потемках серую глубь, совсем не похожую на громаду некоей тюкающей телеги.

— Там у тебя же сломалась... ты упали, в потом ничего... Потом Семяшка уехал на лошади... Это, который... ну этот... А я сторожка вещи.

— Так, так, так... Понятно... — говорила Клавдия Васильевна в озабоченностии.

— Прости, я забыла твоё имя...

— Я Кеша Казарин... А Анна Сергеевна, сказала, что приедет... Я ждал все время... Что за никнейм и возмущ...

Все верно... Стоп-стоп! Они знали, что я сегодня буду последней... Все верно... Стоп-стоп! Сперва санки, потом санки, потом санки... Казарин, ты погашаешь задумчивость... Что же делать! Ну хорошо! Вот что, Кеша...

Кеша услышал то, чего он больше всего беспокоил в эти минуты, он услышал, как Клавдия Васильевна, водя указательным пальцем у него перед глазами, говорила ему, чтобы он подождал еще немножко здесь, у вещей, а она доедет до ближайшей деревни, оставит девочек в какой-нибудь избушке, а сама вернется за ними, а деревня, говорила она, совсем недалеко отсюда, и даже виноградник...

— А ты уж другуюся, потерял немножко, побегай, согрейся, не сиди на месте, побегай, говорила она... Я скоро приеду...

— Нет, дружище! Он не хас не уйдет. В интернате еще тетя Глаша осталась, и покориши, и воспитательница из младшей группы, и сестра тетя Варя. Что ты? Они еще завтра только поедут.

Кеша успокоился немножко, почувствовал облегчение от назойливой и пугающей мысли, которая не давала ему тут, в оправе, покоя, и улыбнулся даже...

— Ладно... — сказал он. — Я подожду вас... Талико...

— Ты же не вернешь, конечно, да? — перебила его Клавдия Васильевна... Тан вот запомни: Клавдия Васильевна не умеет врать, и если она сказала, что скоро приедет, значит, так оно и будет. Мы вместе переночнем в деревне, а потом погодим дальше...

В телеге опять что-то скрипнуло, и оттуда донесся тот же смиль и пискливый голосок:

— Клавдия Васильевна, а ты там?

— Да, — сказала Казарин. — Тебе знает такого? Вот знайте теперь! — И она потрепала Кешу по щеке. — Это наш герой...

Рука у нее была холода и суха, как у всячих на свете, но это было удивительно ласковым рука.

Кеша, который вдруг подумал, что в телеге, наверное, те самые девочки, которые англичан болели, а значит, там, на соломенной подстилке, лежит, конечно, и Лариса Белякова, потому что она ведь тоже болела... Он только терь вдруг вспомнил, что не видел ее сегодня среди проезжающих и идущих мимо детей...

— Ты же здесь, бегай! — говорил Клавдия Васильевна... И махай руками, чтобы не замерзнуть. Прягай и бегай.

Кеша стал бегать. Он добежал до вещей и с налета бросился на мягкий полосатый тюк, в котором побежал прочь, и снова вернулся, и, остановившись, как замарили звуки уехавшей подводы...

На этот раз он поверил, что это им придется. И что буде впереди удивительный и неправдоподобный вечер, а потом ночь, а потом утро...

«Это наш герой...» — вспомнил он слова Клавдии Васильевны. Казарин подрагивал и махал руками, как ему вспомнила Клавдия Васильевна, и он даже странно казалось, что си до сих пор не догадывался этого делать...

Он прыгнул словно бы во сне. Но если бы так он прыгал во сне, он давно бы уже полетел.

Председатель колхоза, полуовечий человек в гимнастерке, подложенная широким командирским ремнем, и устали, как Чапаев, был как будто бы раненым обстоятельством, что Клавдия Васильевна с детьми вынуждена была заменить на селе в деревне избы, кричал соломой, казалось, битком была насыщена людьми и в этой тесной и тусклой освещенной, жаркой избе были счастливы все: и хозяева и гости.

К тому времени, когда, наконец, приехал Кеша и привезли вещи, оставил их на телеге во дворе, стоя утром был нахраник, и в черном чугуне, наполняя комитут душитым паром, светила рассказывала и какая-то инкристи, как топленое масло, горячая картошка. И настоящее русское масло стояло в глиненом горшке, и соленые лакированные отгуры с веточками укропа гридились в горшке, и вареное мясо с языком, с яичницей, с яйцами, с творогом, и тарелки уже стояли для вечер...

А когда все сели за стол, хозяина, молодую уже женщина с текучими, смешивающимися и очень добрыми глазами, достала из настенного шкафчика графинчик с водкой и три маленьких граненых стаканчика.

Председатель колхоза, как дырик, поднял руки и брови, и даже как будто усил у него поднялись от приятного удивления.

А Клавдия Васильевна, когда хозяйка поставила графинчик на стол, сказала без смеха:

— Спасибо. Я с удовольствием сейчас выпью за ваше здоровье.

Председатель обрадовался и сказал превозносительно:

— Вот это правильно... Это по-нашему! От этого сердца. Время сурое, военное, вроде бы и не до веселья, но вот смотрю я на вас, и просто радость хочется — какая у вас младенец Красивая, образованная...

— Стоп-стоп! — отвечала на это Клавдия Васильевна.

— Не делайте из меня слова... Давайте лучше просто-напросто выпьем за нашу победу...

И Клавдия Васильевна тоже выпила и стала посыпать не торопясь есть вкусную, рассыпанную, необыкновенную картошку с холодным отгуром. Кеша сидел за столом напротив. Ларисы Беляковой и, испытывая голову, с трудом проглатывая неравнозначное мясо, осторожно набирал в ложку кастрюль, стараясь не уронить какую-нибудь крошки на клененку...

— Кеша, а почему без хлеба? — спросила Клавдия Васильевна.

Лариса услышала это, фырнула вдруг, перепнувшись и закашлялась. Кеша сидел в это время с самым серьезным выражением лица, смотрел на хлебную избу, в которой забыла, как собака с охотой, и весь свою порцию, чтобы никто не видел, как он ест и как он голода и никонек перед этим бешеным чувством голода. Он думал теперь, сидя за столом напротив красневшейся и нездоровой еще девочки, что голова где-то блеатала и у которой шея была закутана белым шарфиком, что ему надо обязательно поскорее доесть то, что было у него в тарелке, потому что хотел надеяться на добавку: в чугунке еще много было картошки, а в мясе отгурков. Но думая так, все это было для него даже драматично: душе съел глазами и чуть ли не слакал от своего одурманения, из которого его в конце концов вывела сама Лариса. Она звала спасителя:

— Очни устав, да?

— Нет, — ответил Кеша. — Просто чего-то...

— Замерз, да?

— Нет...

— А чего ты зубами стучал, как волк? — спросила Лариса и засмеялась с букашками на щеках...

С букашками на щеках... — Пустил нас...

Лариса ее склоняла бы расpusкание от болезненного румяна, лоснила теплые и теплые и щипоты, и губы горели ягодной, неестественной красотой, затуманенные болезнью, и температурой глаза были очень грустные, хотя она и смеялась.

Кеша никогда еще не видел ее такой красивой и, как это ни странно было, такой взрослой и величественной, как будто она была наимного старше его.

Кеша понимал этот нервный и ломкий, хрипловатый смех Ларисы как некий звук, который был бы звуком, если бы не было у него сопровождения и задумчивостью начиной понимать, или, вернее, начиной чувствовать, присоединение некоторых ее взглядов, которым она бросала на него и которые оставались как бы сами по себе существовать в этой жертвой от корсикового света, жаркой комнаты. Он чувствовал особенность этих ее взглядов, необычность их и стал теперь сам уже ждать, когда она еще посмотрит так на него, и она опять смотрела, а он уединенно вспыхнул в ответ, а она уединенно вспыхнула в ответ, и она уединенно вспыхнула в ответ, и она уединенно вспыхнула в ответ...

Лариса, облизывая то и дело пересыхающие свои вишневые губы, с таким же томом и блеском кошмы, как у юницы, снова спросила Кешу:

— А вдруг бы мы проехали мимо? Тогда что? Вдруг ты не услышал? Ты бы так и сидел сейчас там?

Кеша хотел ответить по-нашему на этот вопрос, хотел сказать, что он бы не ушел, конечно, с этого поста, но довериво посмотрел на Ларису и ответил:

— Не знаю... Наверное, сидел бы...

— Ой, как страшно, да! в оправе...

На этот раз искренность изменила Кешу, и он усмехнулся.

— А него страшно, да? Подумалось... — сказал он самодовольно... Это когда ты сидишь, стояшь, тебе не спасают...

— Пончуй! — спросила Лариса.

— Пончуй! Потому что... Он наклонился к ней через стол и тоже тихо сказал: — Потому что там кто-то в кустах ходил... Там такие кусты и спасибо...

— А кто?

— А я, кто знаю... Знаю?

— А может, тебе показалось?

— Вообще-то, может, мне и показалось... — сказал он с улыбкой... — Было тихо, и, может, это листики последние падали, и слышно было, как они падали...

Кеша сидел коптиться непринужденно и не хватал дыхания, когда он смотрел в глаза, не отводя взгляда. Он даже устать коптить-куточек вдруг почувствовал, какую-то опущенность, словно все свои силы отдали на то, чтобы не ставить глаза от этих других, удивительно прекрасных и лукающих своих глубиной глаз девочки. И он больше не решался смотреть на нее, был смущен, будто бы совершил что-то недозволенное, что-то запретное, нарушил какую-то страшную и недоступную еще тайну.

Я сейчас смутно помню свой первый школьный день. Зато на всю жизнь осталась в памяти разговор с отцом. Его ладонь лежала на моем плече, а глаза, всегда добрые и ласковые, смотрели непринужденно и пристально. Он говорил, что когда-нибудь я становлюсь взрослым, что школы научат меня грамоте, но учиться придется всю жизнь. «Потому что всю жизнь люди будут спрашивать тебя и о тебе: «Кто ты есть на земле!.. Вин ари!»

Шли годы, и крепиущим разум все возвращал меня к словам: «Кто ты!» Вопрос этот был, как пароль, как ключ, который в каждый момент жизни открывал дверь в будущее. Но однажды и бесскомпромиссно землемер этого комиссара мне открылся на фронте. Батальонный комиссар читал перед строем боевой листок с рассказом о подвиге моего земляка Григория Скулухи. Неподалеку от нас, в крымской степи под Джанином, гитлеровцы святали раненого разведчика. После страшных пыток, в отместку за молчание Григорий живым броскиом кости на поле прирезал у него на груди антигитлеровскую звезду, а потом скончался... Своя жизнью он ответил на вопрос: «Кто ты!» — патрот, гражданин своего Отечества.

Когда я стал журналистом и сам часто задавал этот вопрос людям, дела привели меня в село Руах в колхоз имени Героя Советского Союза Григория Скулухи — первого председателя. И нужно было спросить, что секретарем комсомольской организации оказалась дочь Григория.

— Видите... — представилась она.

Я подивился необычному имени. И вот что мне рассказали в Руах.

Девочка родилась через несколько месяцев

С РАБОТЫ.

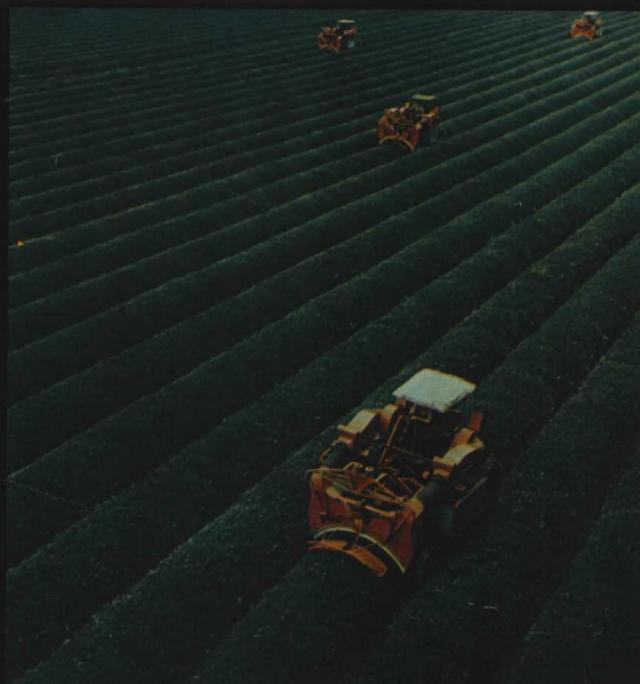
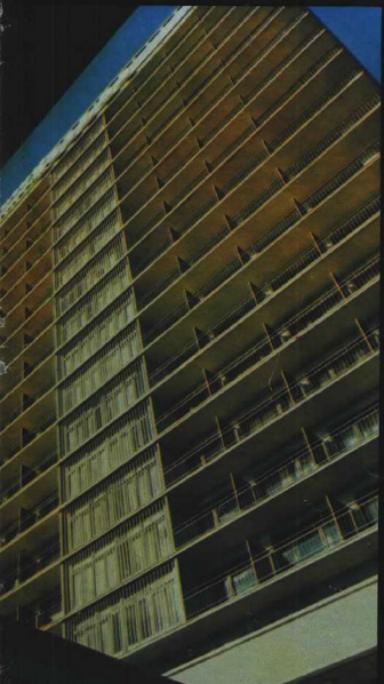
ОТЕЛЬ «ИВЕРИЯ» В ТИБИЛИСИ — ВЕСОМОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО ГРУЗИНСКОГО ГОСТЕПРИИМСТВА.

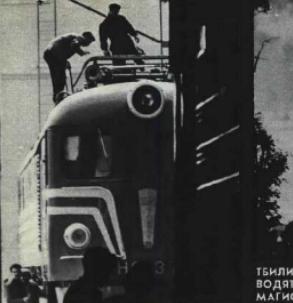
НА ПЛАНТАЦИЯХ РЕСПУБЛИКИ РАБОТАЕТ ПЕРВАЯ В МИРЕ ЧАУБОРГОЧНАЯ МАШИНА «САКАРВЕЛО» — ИЗОБРЕТЕНИЕ ГРУЗИНСКИХ ИНЖЕНЕРОВ.

МОСТЫ ВРЕМЕНИ

Илларион ХУЦИШВИЛИ

Вадим ГИППЕНРЕЙТЕР,
Мирослав МУРАЗОВ,
Исаак ТУНКЕЛЬ [фото]

БИЛЛИСКИЕ ЭЛЕКТРОВОЗЫ
ВОДЯТ ПОЕЗДА НА
МАГИСТРАЛЯХ ВСЕЙ СТРАНЫ.

ГРУЗИЯ — СТРАНА ДОЛГОЖИТЕЛЕЙ.
«РТВЕЛИ» — СБОР ВИНОГРАДА.

Алино МИРЦХУЛАВА

Доблесть

Это еще не геройство —
Бродить по дорогам чужих,
Где миллионы подождят
свой след прочертят в пыли.
Есть доблесть иная
средь жителей горной земли —
Оставить тропу в бездорье
потокам своим.

Корабль полой

От утренней звезды
и до ночной звезды
Плынет в полях корабль,
чуть виден в море хлеба,
И с целины земной
в простор целинного неба,
Как волны, в даль бегут
три эмбых борозды.

Новое поколение

Слышу колонок новый
и новые звуки набата.
Как мужающий ствол,
что с корнями связует листву,
Поколение юных,
надеждой и силой богато,
В жизнь вступает — и
с ними новою верой живу.

Я люблю

Я люблю наша солнце,
особенно в пору восхода,
Что приводит ко мне
эту детскую жажду волета.
Так и хочется мне
распростиаться с камнями и пылью
И над старой землей
простереть исповинские крылья,

Чтобы где-то внизу

оставались раздумья, как горы,
Где гнездо мое, дом мой,
где люди, дела, разговоры.
Вот взмахнуть бы крылом
и на вспышку светилу и тучам
Понестись безоглядно, —
не дрогнув в паренье могучим.
С соплеменниками в пальто
в победе над вьюгой! — спрятаться! —
Вот о чем я мечтво
и с детства завидую птицам.
С детства птицам темнусь,
обнимавшим крыльями землю.
С той же дрожью, поэз, —
и орлинику клекоту внемлю.

Перевел с грузинского
Анатолий ПРЕЛОВСКИЙ

Но раздается каждый шаг,
как стон,

И этот стон мешает восходить.
Так в действе свето верят
в страшный сон,
Встречая смерть за мир проубожденную.
Но я не малыши,

да и, крепость, ты
Пока стояши,
видела в жизни столько...
Взошел —
и вздрогнув я от красоты,
От солнца,

от простора,
от восторга!
Вдали крестьяне убирают розы,
И горы ниме головы склонили,
И чувствую я радостную дронь,
Как будто за спиной

взметнулись
крылья!

Бидзина МИНДАЗЕ

Стихи о Сванетии

Всхожу на башню.
Сердце гулко бьется.
Взволнует птица и наводит страх.
Темно и сырьо,
Будто я в колодце,
Который дул вечно пропах.
Всхожу на ощущение.
Лестница ветха.
Но всеступни на совесть.
По лестнице по той взошла вена,
И за себя-то я беспокосила.
А тишина страшней,
Чем темнота,
Невидимой онывает сетью.
Передо мной, не открыв рта,
Вней слышат многоголосое стоять.
Мента сбрасывая
в подвалы свирепа.

Сквозь темноту ведет дорога к свету.
И если ты отвязан человек,
То этому закону жизни
следуй.

Мтвариса КЕРЕСЕЛИДЗЕ

Я родилась в июле

Окунутась радугой юль,
Плыть над травом вромят ромашек,
А мояму отду спысты путь
Прискалью, что в семье родился
мальчик.

Нет на стояло на кустах и ни
румян над нашими садом не гремело,
Лишь обманка саблю тишина.
И что грудь у дуба онемела.
Сорок второй. Годы люди жмыж.
Земли в краях и пороху стонала,
Я родилась,

но склону в этот миг

Героин на полях спрашивал папо.
Тот день остался навсегда во мне.
С канюю жаждой и с какой любовью
Я жить должна сегодня на земле —
За тех, кто не вернулся с поля боя!

после ухода отца на фронт. Мать долго не решалась брать сына. Было время, когда она представлялась, как вернувшаяся с войны Григорий становится в дверях и, глядя на незнакомого человека, вскрикивает: «Винни арми» — «Это ты!».

«Винни арми», «Винни арми» — день за днем шептали губы матери. Винари — так и стала Кетевана звать дочку. Так привыкли мы и на всю жизнь — требоватьственный вопрос отца.

Я рассказывал тогда в газете о дочери Григория, о том, как она стала хорошим человеком и известным в округе чаеводом. Как достойно несла она свое имя. А потом docher Героя и мама стала Героем Социалистического Труда, человеком, известным всему комсомоловству, сыном блестящего ЦК ВЛКСМ. Ныне Винари завершает учебу в Высшей партийной школе и вскоре вернется к себе домой, туда, где ей и дальше отвечать за вопросы отца.

Я прибрежил в уку и в сордес встречи за премией журналистических странствий по грузинской земле. Закрыл глаза, я представлюсь ей сейчас и всю целиком — объемлю и зирко и в отдельных частях и контурах. Вот рассветное солнце перевали-

ло через ледовую гряду Главного Кавказского хребта и, заревинувшись о гранитные шапки, скользит в голубую чашу Алазанской долины и онкуется в ее воздухах, настоянных на виноградниках и розах.

Кахетия. Сквозь утреннюю дымку простили извины ленинго полка Алавази, бегущие за горными шаплерами виноградных плантаций, гранитных скал и уступов, установленных рабочими из Краснодарского края, ерзаками и склонами Ималетской складки, где виноградники Шота Руставели, кипарисовые аллеи Цинандзи, поминаящие недолгое счастье Нины Чавчавадзе и Александра Грибоедова.

Встало солнце, и встали люди. Началась трудовой день. У лозы, у чайного куста, стакна, мартена. Человек — всегда продолжение земли своей так же, как и земля продолжение и дело рук его. Гости Грузии — это эта пристрастная истинность времени и награды.

Когда в выложенной солнцем, пустынной стели стояли ряты котованы под звездные чехи, в развороченный тополе открылись стены древнего города, следы которого щетинно искали археологи. И вот, словно легендарная птица Феникс, го-

род восстал из праха столетий. Нарекли его приветными имирами — Рустави. Сыновья потомственных пахарей, виноградарей, чабанов возвели городские проспекты и джами, мартены и корпусы большой хинмы.

И была первая плавка, и был первый корабль Героя Гером Социалистического Труда и науки Ленинской премии — орден Дружбы народов. Краснодарский краеведческий музей имел Винарийскую группу и прекрасные, как картины Кавказской А. А потом перестроили стены отчима города, его производства, наставниками нового поколения руставцев.

«Кто ты?» —
«Я — руставец!» — ответил житель молодого города и города молодых: ставлар, хинми, мартени, кипарисами. И этим скажет о себе все.

«Кто ты?» — спросите у Наны Сихуарулидзе. Отвечу за нее я: в двадцать четыре года лаборантка химического комбината стала делегатом XIV партнинского съезда. Казалось, только вчера приехала в Рустави рабная девочка с чайной плантации, трепетно училась новому делу, новой

ВЕСЕЛЫЕ, ОСТРОУМНЫЕ «КИНО» —
НЕПРЕМЕННЫЕ УЧАСТИКИ
ПРАЗДНИЧНЫХ ЗАСТОЛИЙ

ЛЮБОЙ ВИД
ТРАНСПОРТА
В ЧЕСТИ.

Я родилась в июле в год войны.
Луна терялась в облаках, как в дыме,
Но все же называли именем Луны,
Мтаврица — вот моя земное имя.
Горят надежкой звезды и луна.
Душа моя опять заглушила...
И матери сидят у колыбели
И ленжное поют: «Нана — нана!».
И в хочу, чтоб наши колыбели
Не разбудила никого война.

— «Нана — нана» — грузинская
колыбельная.

Покинутый дом

И ныне погон дом видим смутных,
Десь на бревне сидел усталый
путник.

Здесь ноною ураганом ушли
Четыре сына, и с собой в путь.

Взял каждый горсть родной своей
земли.

Дом замер в окнницах.
Будто дремлет,
Дом одинок.

Шагах прохожих внемлет.
Но лишь луна присядет на брови,—
Он день и ночь оплакивает зевло,
Что братья унесли
дативным-дативом.

Но, как бывало,
вновь бушуют сосны,
Покачивая кроной весенесной,
И возле дома,

быстр и босоног,
Тот шалунски, прежний и несклонный,
Бежит самозабивно ручеек.

Картина

Тур стоял, подвес рогами солнце,
На склоне.

Шумит внизу Шахрула.
На склоне, подвес рогами солнце,
Тур стоял —

и нет красивей тур!

Он зовет водругу,
И от гула
Горы содрогаются седые.
С шумом вниз срываются Шахрула,
Вспенивая кудри золотые.
Тур стоял, подвес рогами солнце.

Перевод с грузинского
Владимир ДАГУРОВ

Из стихов, что висят я когда-то,
Потерять навсегда.
Потерять...
И в народе найти.

* * *

Спокойный сердцем Алазани.
Я взбунтовался от дождей.
Их переполнил голосами,
Громко и песней моей.

Как мне закончить спор
В напеве
Раздумьями смиренных строк,
Когда и молодость деревьев
Все мое и бешеный поток!

Мои гудение, как «варада»,
Заучил и в поле и в лесу.
В горах разрушулся, если надо,
Иль сам хребты их разнесу.

Я ручеек. Но, с сущей споры,
Все разрастываюсь путы,
Ведь я хочу волненье моря
До высшей цели достичь.

Я в лире арихи, среди многих,
Как будто бы свечу едла,
Но, как у мельни кхеб, в итоге
Моя кончается слово!

Прорывается сквозь русло, зяно, знаю,
Разбушевливаясь со дождем,
Пусть я не с каждым в бой вступлю,
Но хочу вступлю, — так одолей!

Я всадник смелый, не ребенок,
Лечу, линку и звена.
Любое слово — жеребенок,
Что ждет чайки от меня.

Струится маленькие строки...
Но, устремленный к душам весь,

Бердия БЕРИАШВИЛИ

Юность

Ты, Юноша, улыбкаешься небесу,
Несешь в руках землю мою роду,
От年之на сорвавшись нимо отданье
И грохно паси мырные поеши.
И хочешь с подлинника срисовать
навеки

Поля зеленые и голубые реки.
Ты хочешь, чтоб тот день

Поля зеленые и голубые реки.
Когда мой брат ушел — не вспомнился,
Чтобы с зойни, презреть любые мухи,
Не приходил тудомых одноруки,
Чтоб из объектов зеленою ветвистой
Не делал тяжелых kostыней,
Чтоб небо — общий потопок

всех стран —
Но затемня пожарщица земля.
Ты хочешь с подлинника
срисовать навеки

Поля зеленые и голубые реки.
** * *

То смог я сказать,
Что осталось не сказанным Тато*.
Мне это все сказать
И добавить: пойми, приложи!
Хоть бы строчку свою

* Так называют в Грузии великого
поэта Николая Бараташвили.

«Варада» — грузинская
поклонная песня.

жизни. И смотрите: сколько успела и смогла в
своем начале своей тропы.
У человека два возраста. Одни исчисляются со
дня рождения. Другой — возрастом народа, свя-
зывающим его с прошлым.

Грузинский пейзаж — его горы и ющелья, до-
лины рек и морской берег, его артерии индусти-
альной современности, линии электропередач,
газопроводов и автострад — невозможен без
западной глубокой стариной, заповедных мест
истории народа.

Древние стены Гелати и Греми, Самтависи и
Светицховели. Дноскурни и Питкунта, Нарикала
и Джвари придают ему не только твердость и
неповторимость аромата, как виноградные кос-
точки — крестьянского кхетинского вина. Они,
как точные отпечатки времени, соизмеряют си-
мы посты времен, перекинутые с берега вче-
рашнего дня в сегодняшний.

В проектном задании значилось: «На поли-
метромере ниже селения Мцхет, у подножия ста-
рикного монастыря Джвари [Мцхры], строятся
Главная плотина». Здесь был перекресток торго-
вых путей из варяг в греки. Сюда рвались поп-

чища разноплеменных завоевателей: войска
Александра Македонского, покорявшие полями, —
потом гоняли сломать сопротивление
Мцхета — древней грузинской столицы, здесь
зимовали легионы. Помпеи — осенью, когда спа-
дает вода в Куре, видны остатки моста, постро-
енного римлянами две тысячи лет назад. А ря-
дом — плоская Земо-Кахетинская гидравлическая
станция, созданная по плану ГОЭЛРО, оставленного
предсказанным императором Петром, называемого
этот план несбыточной мечтой. Здесь тосковал
по всем пермитонским Мцхам, и здесь начало
новой эры грузинской земли отмечено памятни-
ком Ленину на утесе на плотины...
Много дорог ведут в Колхиду. Когда-то сюда,
из золотых ручьев, проплыл «Аргон» из Язоном
и Одиссеем. Сюда приходил кхетинский царь
Колхиды нашин дна, спасаясь от парашеста
вре-
мени, сплеснулся военно и далекое прошлое
и близкое будущее. Здесь никогда не было ми-
фиического земного рая, а были джунгли и непро-
лазные болота. И очень много солнца, которое,
будь эти земли сушины, могло бы расти все чу-
деса тропической флоры. Здесь каждый гектар

понтиние золотой. В тридцатых годах началась
штурм толей. Газеты тех времен пестрели заго-
ловками: «Давид Карапетиан СССР», «Пра-
витель Колхиды в край комсомольского подвига»,
«Освободим страну от милитария чаек!». В первых
субботниках колхидской стройки принял участие
тридцать тысяч комсомольцев. Штурм Колхиды
продолжался с сезона на сезон.

Из Баку, из Базара — небольшое село в
самом центре Гурии. Село это вписано необычной
страницы в мировую историю крестьянских войн.
Вновь встретившись с Бахви, я мысленно пере-
воню стрелки часов на несколько десятитысячий
назад.

Итак. Гурия, год 1905-й. В эту самую голодную и

самую беспокойную пролетариат прибыл из

Индики, из самого дальнего края — гористой части

на Кавказе князь Султан Крым-Гирей. Вслед за

ним — карательный отряд. В селах села согнали

крестьян. Вначале вперевязь и пылью уговари-
вали князя «славных сынов прелестной Гурии

уткнуться в «спинки горячие головы». Потом

он напомнил о пушках карательного отряда.

Толпа безмолвствовала... Но вот вперед вышли

«ДУШ» ПОСЛЕ РЕПЕТИЦИИ...

несколько человек. К счастью, в княжеской свите находился тот, кто тщательно записал в блокнот все выступления и переслал свой отчет в Женеву, в редакцию большевистской газеты «Вперед».

«Мы, крестьяне, почти не имеем земель — начали первый из выборных — зато ее много у помещиков. И откуда это! Не Бог ли подарил им!»

Мы требуем землю для обработки!»

Сход одобрительно гудят.

«Мы требуем свободы собрания, слова и печати. Мы требуем свободы личности и неприкосновенности индивидуума!»

Герки разумно вслушиваются. Какие речи! Кто перед ними?

«Необходимо прогрессию... Мы требуем бесплатного всеобщего первоначального образования для всех!»

«Мы, грузины, русские, армяне, татары, — все

ЖЕМЧУЖИНА ПОБЕРЕЖЬЯ — ПИЦНДА.

братья, мы не будем грызться, пускай не стартует правительство понапрасну!..»

Царскому сановнику все очевиднее, что перед ним не толпа, которая не ведает, о чем шумят.

«...Наши требования не частные, только грузинские. Мы присоединяемся к нашим русским братьям. Нам необходимо единение!»

тогда, когда народ в свободном, правильном, честном и разумных голосованиях изберет своих представителей. Только такое правительство будет настоящим, только голос народа справедлив и честен... Страна должна быть в руках народа!»

Сход окончен. В смутении Крым-Герки отбыл из Бахчисара. Газета «Вперед» назвала требования бахчиских крестьян манифестом, она писала спустя несколько дней:

«Крестьянское движение в Гурки — редкое явление во всемирной истории. Это не обычный

крестьянский бунт, а всецело осознанное политическое движение...»

Вернемся в Бахви наших дней.

Видели ли когда-нибудь руки сборщицы над кустом? Любой пинист воздаст должное ее порханием пальцев. Но если обратимся к прозе именитых авторов, скопировав зеленого писателя — две половины тысячи двадцатой век, Дардзан Манджагладзе за уборонную страду собирает шесты с половиной тонн — более шестнадцати миллионов движени.

Вся Гурия растят чай. Один только Махарадзевский район, где раскинулись бахвские угодья, дает чуть ли не четверть всего урожая зеленого листа. Вспомним житие Грузии, а стало быть, и всей страны.

Но не только чай расселился на когда-то нищенской земле Гурии. Здесь возвращается почти все, чем знамениты Калифорния и Флорида, Цюань и Япония, Италия и Ява.

Так бахвзы преобразовывали свою землю. Так сделали они землю добрым другом.

Пройдемся по селу, зайдем в любой дом. Убранство, интерьер неотличны от городских квартир: современная мебель, телевизоры, колодильники, транзисторы и магнитофоны, газовые плиты на кухнях.

Записано в блокнот: «Средняя школа на 700 ребят, два детсада с бесплатным содержанием детей. В селе 134 человека с высшим образованием, 78 бахвзы — студенты вузов, еще 13 — зажиники, 47 — в специальных техникумах», и вспоминаю: «...Мы требуем первоначального образования».

Бахвзы говорят: «У нас в селе живут люди доселе незнакомые, а тогдя, помните: «Мы — грузины, русские, армяне, татары — все братья...»

Вот и сомниньсь мосты времена. Вот как отвечает моя Грузия на вопрос: «Вин арк!»

ЗНАМЕНИТЕ БАШНИ БЕРХНЕИ СВАНЕТИИ.

НА МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОМ ЗАВОДЕ В РУСТАВИ МНОГИ МОЛОДЕНКИ.

КТО ЗА КОМПЛЕКСНЫЙ?

ВСЕ УСИЛИЯ — В ЕДИНЫЙ КУЛАК

Алексей Степанович ПАШКОВ,
доктор юридических наук,
директор Научно-исследовательского института
комплексных социальных исследований
при Ленинградском государственном
университете имени А. А. Жданова

Bажность и преимущества социального планирования очевидны, несомнены. Однако их стоит перечислить, чтобы понять не столько сами преимущества, сколько необходимость такого планирования для каждого завода, каждого фабрики.

План социального развития — прежде всего комплексный план. Он включает в себя различные стороны деятельности администрации и всех — в том числе и комсомола — общественных организаций. План этот возможно осуществить, только объединив все усилия коллектива. А когда все силы собраны в единый кулак, развитие предприятия «поползет» идет более быстрыми темпами.

Комплексный план социального развития создается прежде всего на глубоком изучении тенденций и социальных процессов, уже имеющихся

в его предложению дирекция, как правило, заключает договоры с соответствующими научно-исследовательскими институтами, которые выполняют всю подготовительную работу и создают в конечном итоге комплексный план. Это, однако, ничуть не означает, что комиссия может выступить инициатором плана социального развития, доказать администрации своего завода, своему парткому, что план социального развития можно создать и у них на заводе.

Чем вызвана пассивность некоторых комсомольских организаций? В комиссии по подготовке плана включаются, как правило, представители молодежи, союзов, профсоюзов. Представители комиссии, как полноправные ее члены, вносят предложения, отстаивают свои, молодежные интересы. Однако комиссия комплектуется по формальному признаку: от всех заинтересованных сторон — руководство, профсоюзы, комсомола, например, —

ОБЩИЕ И ЧАСТНЫЕ

Что такое социальное развитие коллектива и какое участие в нем может принять комитет комсомола?

В шестом и седьмом номерах нашего журнала за 1970 год об этом рассказывала статья И. Ачильдеса «Социальный план: эффект и неожиданности». В ней исследовались общие принципы социального планирования на промышленном предприятии и опыт двух комитетов комсомола — Рыбинского моторостроительного и Пермского телефонного заводов.

Сегодня мы продолжаем разговор на тему «Социальное планирование и комсомол».

в коллективе, или тех, что могут в нем возникнуть. Для этого на заводе приходят учёные — социологи, экономисты. Они, изучив новый коллектив, не могут обойтись без помощи комсомола. Активисты в силах помочь проводить анкетные опросы, интервью. Первый результат работы учёных на предприятии — объективный, научно созданный план его развития. Это — общее, которое имеют сильные и слабые стороны руководства, профессионального роста, ритмичности работы — словом, все аспекты работы предприятия. Объективная, беспристрастная эта картина уже несет оценку — в ней зародится будущий план. Остается научно разработать меры, которые обеспечат бы ликвидацию «узких мест», которые мешают развитию предприятия в будущем, — и пишут план.

Что же должны делать комитеты комсомола? Он должен взглянуть на результат работы учёных заинтересованными глазами, поскольку в этих результатах почти готовый план комсомольской работы, научно рассчитанный на несколько лет вперед. Остается взять в руки комплексный план и отобразить в нем интересы молодежи. Более того, закреплены за комсомолом, разработать из него определенной системе, дополнить деталями, обогатить живой практикой цеховых, brigadных комсомольских ячеек и звеньев, чтобы вложить и свой пай в общее «главное уствие» всего коллектива завода. Но, к сожалению, именно это многие комитеты комсомола не делают.

Я хочу сказать, что в целом, общее правило, а не хорошие из него исключения. Скажем, на заводе «Светлана» комсомол самым активным образом включился в исполнение комплексного плана социального развития. Но на многих других предприятиях этого активного движения пока нет. Я могу привести в качестве примера промтаджиздата в Электростали и другие единицы промышленности. Скажем, в обеих трех коллегиях комплексных планов социального развития никак или почти никак не увязан до сих пор с делами и планами комитетов комсомола.

А на предприятиях, где о комплексном плане еще и не помышляют в Ленинграде сложилось так, что инициатором создания планов социального развития всегда была партийная организация. Впрочем, это естественно. Ведь в каждом производственном коллективе партийная организация руководит всей общественной жизнью. По-

то одному человеку. Получается, что в коллективе завода, который, скажем, на 70 процентов состоит из молодежи, в комиссии от нее один представитель, а остальные девять — от профсоюза, молодежного отдела, союзов и пр.

Думаю, что это не совсем правильно. Молодежь при обсуждении плана должна иметь силу голоса, претендовать на равное право на предприятии. Неравномерность в представительстве рождается у комитета комсомола, у молодых специалистов несколько пассивное отношение к плану. К тому же общественным фондам на предприятиях, как правило, командуют директор и профрук. И частенько, расходы или не расходы деньги на службу молодежных целей, у комсомола не получают должного отражения. А ведь комсомольская организация выступает в заре будущего коммунистического общества, получая отдельные блага, участником которых являются заводские дни, какими-то пассивным. Скорее исполнителем, чем заводской и организатором. (Не все руководители предприятий принимали к сердцу постановление ЦК КПСС «О 50-летии ВЛКСМ и задачах коммунистического воспитания подрастающего поколения», как сказали, что комитеты комсомола должны первыми профсоюзными и хозяйственными органами участвовать в обсуждении вопросов работы предприятий, а также в распределении средств на культурно-массовую и спортивную работу.)

Это приводит к тому, что многие комитеты комсомола рассматривают план социального развития как нечто вроду, как хлопоты: это же уплотнение, когда же все это делают?.. А значит, без нас обойдется и все решат... Мало того, в этой пассивной позиции есть даже некоторое пренебрежение: все о молодежи забываются, все с ней носятся... А если что не так, значит, плохо заботимся!

Но при существующем положении вещей комитеты комсомола не могут не участвовать в этом плане. Кем бы в компоненте за финансирование «бессправной» комсомольской организации наделялся: всеми полнотой прав и обязанностей по проблемам, не требующим капитальных денежныхложений. Среди них первая и самая важная — проблема «евразийства» молодого рабочего в коллективе.

Есть и еще раздел, специально посвященный молодежи. Называется «Социальное развитие молодежи». Называется «Социальное развитие молодежи в трудовом коллективе». В нем прослеживается развитие заводской молодежи на на-

«СУБЪЕКТИВНАЯ» ОБЪЕКТИВНОСТЬ

БЕЗ ПРАВА РЕШАЮЩЕГО ГОЛОСА

ИСПОЛНИТЕЛЬ или ИНИЦИАТОР?

КАК ПЛАННИРОВАТЬ СЧАСТЬЕ?

сколько лет вперед: исследуются и планируются оптимальные условия организации труда молодежи, ее социальная адаптация, социальный потенциал и общественная активность, ее общеобразовательный уровень, уровень культурного развития, взаимоотношения в коллективе, физическое развитие и здоровье, бюджет свободного времени и его использование. Все эти «составляющие» звучат абстрактно, однако в каждом случае под них можно подставить конкретные численные величины. Именно это обстоятельство и делает возможным составление плана...

Мы упомянули разделы, специально молодежные. Но нужно всегда помнить, что, какой бы раздел плана мы ни взяли, он же рассчитан на молодежь. Будет ли это «Регулирование движений рабочих внутри предприятия и текущих кадров», или же «Социально-психологические вопросы управления в коллективе» (я указал на самые да-

«Тамара Желтова пришла на завод токарем IV разряда. Работает добросовестно, но творчества не проявляет. Ставили ее на более сложные работы, но она не могла. Перевели на простые занавесы, но и там Тамара плохо справлялась с нормами выработки.

Тамара — воспитанница детского дома. Так сложилось обстоятельства, что в училище она стала образованным человеком, но не получила возможности привлечь ее с токарного струга на сверлильный, чтобы заинтересовать другой специальностью. Конечно, Тамара не глупая девочка, но и она, девочка эту помощь воспринимает болезненно. По-прежнему и специальности и делам коллектива Тамара относится отрицательно...»

Это пишет старший мастер Фомичев, который на Кировском заводе считается одним из воспитателей молодежи. И его слова надо бы прислушаться. «Когда товариши поbrigade стараются помочь, девушка эту помощь воспринимает болезненно! — вот что он пишет! К Тамаре Желто-

ко о влиянии на стиль отношений, сложившихся в коллективе.

Константин Васильев — электроварщик, окончил в Ленинграде техническое училище и пришел на Кировский завод. Он любил профессию, но был неопытным в своем деле рабочим.

«Я слабо разбирался в новой сварочной аппаратуре, — вспоминает Васильев. — А мой сменик вместо того, чтобы помочь мне быстрее освоиться с приспособлением, старался изобрести сплавленную в неисправном состоянии. Отвертка, бывала, изнашнувши гайку, и я пытался ее открутить, чтобы привести в порядок. Но было, таков метод «кубейз», взятый из старины, решил применить для развинти мой самодельности старый производственное...

Васильев не изменил своего отношения к производству, он в совершенстве овладел новым оборудованием и начал активно пробовать свои силы в техническом творчестве. Через некоторое време-

лекие друг от друга разделы, специально молодежные. Но нужно всегда помнить, что, какой бы раздел плана мы ни взяли, он же рассчитан на молодежь. Будет ли это «Регулирование движений рабочих внутри предприятия и текущих кадров», или же «Социально-психологические вопросы управления в коллективе» (я указал на самые да-

вой нужен особый подход, особое внимание. Надо быть опытным мастером педагогики, чтобы постоянно растягивать лед.

Большине трудовых приходится преодолевать препятствия, и его сразу попадает в замешательство, который не ходит синхронно с товарищами, плохо относится к труду и трудовому коллективу.

Предование такой позиции только складывает комсомольской организации невозможно, здесь необходимо помочь кадровых рабочих и ветеранов труда.

Вот что пишет о себе один из молодых рабочих:

«Вчера, когда я принес работать в цех после очечника ученица, у меня страдала дисциплина. Меня часто прибирали в групповых соревнованиях. Сейчас я понял, что труд есть труд, и он обязательно должен быть оплачен. И если вчера я не выиграл, то сегодня смена работает. Вроде бы товарищи мне помогли, и мне не хочется их подводить. Мое основное желание — это не быть последним в группе, не иметь свою производственную квалификацию на заводе».

Как показала жизнь, активная борьба за личную молодого рабочего закончилась для коллектива успешной. Он начал учиться и хорошо работать, затем уже в новых качествах, обогащенный опытом и знаниями, был назначен инженером на тот же участок.

Расскажем все это, я хочу предсторечь комсомольские организации от упования только на свои силы: когда новичку нумиша помощь, зовите на помощь всех. Каждый раз, когда коллективу приходится сталкиваться с молодым рабочим, отрицательно относящимся к заводу и к заводскому труду, приходится разрабатывать целую систему педагогических мероприятий, чтобы вновичина было результативна. И здесь, несомненно, когда-либо, надо давить на него авторитетом комсомольских съездов. Это может вызвать иногда противодействие. Начинаящий результат в этих случаях приносит индивидуальная работа кадровых рабочих, ветеранов труда, пользующихся наибольшим доверием у коллектива.

Но, на мой взгляд, что новичку придется столкнуться с ним отрицанием к себе. Бюрократизм и болония при рассмотрении рационализаторского предложения молодого рабочего, отказ в квалифицированной технической помощи, невнимание к нуждам новичка — изредка бывает и так.

И здесь комсомольская организация приходится думать не столько о влиянии на новичка, сколь-

ко я внес существенное предложение, которое внесло в бюджет двух тысяч рублей экономии в год и получило признание среди сверстников высокой квалификации».

Последствия Васильев создал приспособление, которое заменило ручной труд в газосварке автоматом. Эффект от этого приспособления был значительным. Первые пробы показали, что вместо 3 деталей за смену можно сварить 10—12, себестоимость детали удешевлялась втройне.

И снова Васильев. «Все это было трудности. Кое-кто пытался остановить путь молодого рабочего.

Четыре месяца комсомолец вел борьбу за свое изобретение. Кончились она полной победой Васильева и комсомольской организации цеха: созданная авторентом комиссия проверила эффективность устройства, и конструкция получила наименование «Васильевское».

Нетрудно заметить, что вместе с этим закончилась и полная адаптация Васильева в коллективе цеха. Однако комсомольская организация вела борьбу не просто за Васильева, а вместе с ним, против недостатков в работе производственного коллектива.

Я указал на некоторые психологические особенности, характерные для молодого рабочего в коллективе: в каждом случае мы имели возможность отметить роль не только комсомола, но и всех других общественных организаций, роль администрации и особенно важную роль кадровых рабочих завода.

Возможно ли планировать такой социальный процесс, как адаптация молодого рабочего, без участия администрации? Без участия администрации и профсоюза, без руководства партийной организацией? Это вопрос риторический.

В едином трудовом коллективе можно планировать социальное развитие применительно к разным возрастным группам. Но при этом надо твердо помнить: коллектив един; в нем молодежь живет и действует под авторитетным влиянием старших товарищей.

И это последнее обстоятельство относится ко всем частям плана социального развития, говорят они прямо о молодежи, или нет. Одна из особенностей комплексного плана, особенно важная для темы комсомол и социальное планирование, в том и состоит, что он молодежные проблемы связывает с проблемами, стоящими перед всем коллективом завода.

Вот, например, выписка из отзыва о работе выпускницы одного из профессиональных училищ Ленинграда:

«Внимание коллектива направляется на пассивность, сопротивление молодого рабочего. И тут, как мы увидим, помощь ровесников помогает мало.

Вот, например, выписка из отзыва о работе выпускницы из училища изредка бывает и так.

И здесь комсомольская организация приходит-

Ветер из Геттисберга

ОТ АВТОРА.

Идея рассказа «Ветер из Геттисберга» впервые возникла у меня после посещения диспансерской фабрики по изготовлению шарманных роботов в Глендейле. Я смотрел, как собирали на конвейере механического Линкольна и вдруг представил себе убийцу Бигса и театр Форда в тот апгрейдский вечер 1865 года... И я написал рассказ. Это — очень «личное» произведение. Мой герой во многое передает мысли, переживания и смысли, которые я испытывал после покушения на Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди.

В 10.15 вечера он услышал резкий, похожий на выстрел звук, эхом отдавшийся по театральным помещениям. «Выходит газа», — подумал он. — Нет. Встретр.

Сокрушительный взрыв услышали вскрылья людских голов, и затем все стало, как лепится оканскими волами, удивленно падающим на пологий берег. С шумом хлопнула дверь. Топот бегущих ног.

Бледный, как смерть, в комитуте ворвалась билетер, словно слепой, скользнув вокруг невидящим взглядом, в смитеине выдавив себя.

Аннкоам... Аннкоам...

Байес оторвался от стola:

— Что с Аннкоамом?
— В него... Он убит!
— Весьма остроумно...

— Убит. Понимаете? Убит. Действительно убит. Убит итогично!

Билетер выплыл, пошатываясь и держась за стул.

Байес непрерывно встал со стула. «Ради бога, только не это...»

Он побежал, обогнал билетера, который, чувствуя, что его обгонят, тоже побежал рядом с ним.

«Нет, нет, — подумал Байес. — Только не это. Этого не было. Не могло быть. Было нечто более...»

Убит... — сказала бледная.

Сразу за поворотом коридора с треском распахнулись театральные двери, и толпа — кричаки, вопящие, ревущее, оглушенное, дикое сбрасывание — запушила, забурлила: «Где он?», «Там!», «Это он!», «Да!», «Кто стрелял?», «Держи его!», «Вереница!», «Стоп!»

Сплотясь, растяжавшаяся толпа, прокладывая там и тут себе дорогу, показались два охранника и между ними человек, изворачивающийся, пытающийся оторваться от вцепившихся рук, увернуться от вздыхающих и падающих на него кудаков. Его хватали виляющими свертками и хрупкими солнечными зонтиками, сбрасывали на пол, вонзали в него воздушные змеи в сильный шторы. Женщины в панке закружились по фойе, размыкая потерянных спутников. Мужчины с криками отталкивали их и сторону и бросались в центр этого водоворота, туда, где охранники растягивали толпу и где человек, стоявший между ними, обхватывал рукаческо опущенное голову.

«О боже... Байес затаил от ужаса начинку вентика. «Боже мой!» Он взглянул на сцену, потом бросился вперед: «Сюда! Все назад! Освободите помещение! Сюда! Сюда!»

И толпа, каким-то чудом разорвалась. С треском распахнулись

театральные двери и потом захлопнулись, пропустив наружу разорганные тела. Байес метнулся к двери.

Байес метнулся к двери на трясущиеся дверные руки, дрожащие замки и защелки, на охранников и человека, зажатого между ними.

Визжано им склонила голову, как будто сир что-то, еще более ужасное, спряталось за ее прозрачные юбками. Ее левый ботинок ударился о какой-то предмет, который отлетел в сторону и загружался на ковре под креслами, как крыса, играющая со своим хвостом. Байес нагнулся и вслепую напутал под креслами теплый еще пистолет. Вернувшись обратно в проход, он сунул пистолет в карман. Пронесло не меньше минуты, прежде чем Байес заставил себя повернуться в сторону сцены и этой фигуры посередине.

Рисунок
Алексея МЕНШИКОВА

Анрик Линкольна сидел в своем, резком, высоком кресле, его голова откинута в сторону и голова в неестественном положении. Широко раскрытые глаза глядели в простоту. Его большие руки мягко отдахали на подлокотниках, как будто в любую минуту он мог податься вперед, встать и объятьность это грустное происшествие окончименным.

С трутом переставая ноги, как будто под проливным дождем. Байес пошел на сцену.

Свет, черт возьми! Дайте больше света!

Где-то там, за скрипкой, невидимый электрик вспомнил варух, для чего существует рубильник. Подобное расследование забрежило в мрачном, темном зале. Байес поднялся на помост, обвел вокруг Линкольна и остановился.

Да и есть. Маленько аккуратное пузелево отверстие в основании чепца на левом ухом.

— Sic semper tuus! — проговорил где-то незнакомый голос.

Байес резко поднял голову.

Убийца сидел теперь в последнем ряду театрального зала. Он опустил голову, он говорил в пол, как будто самому себе:

— Sic...

Он смок на полусогнувшихся коленях, изогнувшись опасно движением над головой. Кулак одного из охраников взлетел вверх, как будто человек ничего не мог поделать с собой. Кулак готов был уже опуститься на голову убийцы, чтобы заставить его замолчать.

Не надо! — сказала Байес.

Кулак охраника, изогнувшись, отвел руку в сторону, в гневе и отчаянии зажмурив глаза и разразившись плачем.

«Но было... — подумал Байес. — Ничего не было. Ни этого человека, ни охраны, ни...» Он повернулся и еще раз посмотрел на отверстие в голове убитого президента.

Из отверстия медленно капало машинное масло.

Такое же масло стекало изо рта Линкольна по подбородку и бакенбардам и падало капель на капель на гластрю и рубашку.

Байес, сжав кулаки, выскочил из зала, упал к груди Линкольна. Там, глубоко внутри, слабо тикали и журчали шестеренки, колесики, пружины, не поврежденные, но работающие просто по инерции.

Какой-то сложной ассоциации этот утомляющий звук заставил его в тревоге подниматься из зала.

— Финис? — прорыдал Байес.

Охраники переглянулись в недоумении.

Байес сжал руки:

— Финис! — сорвался прийти сегодня! Боже мой, он не должен видеть этого! Страшно, что я буду вынужден это-нибудь! Скажите, что произошло здесь, да, аварии на заводе в Глендейлде. Вместе?

Один из охраников выбежал из зала.

«Боже, задержи его дома, пусть он не видит этого», — подумал Байес.

Странно, в такую минуту он думал не о себе. Жизнь других людей заставляла перед глазами.

Помнишь... тот день, пять лет назад, когда Финис небрежно бросил на стол чечевичную еду, аквариум и обмылся с овощами плаванье? И как все они устремились на рисунки, потом на него и выдохнули:

— Алигатор?

Да! Финис рассмеялся, как отец, только что нервничавший из перчатки, где некогда высмеяне обделало ему необычайно одаренного ребенка.

Линкольн. В этом что-то было. Линкольн, рожденный вновь.

А Финис? Он создает и воспитывает этого сказочного, вечно живого гигантского ребенка-робота.

Разве это не прекрасно... стоять среди углов Геттисберга, слушать, учиться, смотреть, привыкать лезвия наших бритвенных душ и ЖИТЬ?

Байес ходил вокруг тяжело осеневшей фигуры, поклоненный воспоминаниями.

Финис, подивившись румянам над головой, как лице, что одновременно со бреет в фокусе лучи прошлого и освещает будущее.

«Я всегда мечтал создать такой фильм: Геттисберг!» и огромное людское море; и там, вдалеке, на крыше этой драмеющей на солнце бесконечной толпы, фонари и свет, наполовину сплющенные и ничего не смыкающие, пылающиеся уличные разноцветные вспышки слова высокого оратора там, на далекой трибуне. Вот он снимает пленку, смотрит на него, как будто смотрит в себе и алушу, и начинает говорить.

И фермер сажает сына к себе на плечи, чтобы поднять его над этой славленной многочисленной толпой. Высокий голос президента разносится по окружности то ясный и чистый, то слабый и отдаленный, захваченный в плен и разнесенный ветром.

Много ораторов выступало уже до него, в толпе устала, превратившись в сплющенную комок шерсти и пота. Фермер негромко склонил лицо на солнце бесконечной толпы, как первенец, уход, шепчет ему: «Ну что? Чего он говорит?» И маленький, весь подавившийся вперед и повернувшись по встречу пущисто, как перчик, ухо, шепчет в ответ:

— Восемнадцать семь лет...

— Ну?

— ...тот самый назад отныне назовутся...

— Ну, Ну!

— ...за этот моментик...

— Ну?

— ...новую нацию, рожденную свободной и вдохновленной той идеей, что все люди...

И так это продолжалось: ветер, разносивший во все стороны хрупкие слова далекого оратора, фермер, избытыйный про тяжкую ношу, и сын, приводимые в движение склоненными головами, речи проповедников иногда целиком, иногда частично, замечательно понятные до самого конца.

— правительство народа, избранные народом и для народа...

— ...не исчезнет с лица земли.

Мадам замолчала.

— Он кончил.

И толпа разбралась во все стороны. И Геттисберг вошел в историю.

Финис выплыла румянку до дна, виновно смущившись своей экспансивности, потому бросила:

— Я никогда не испытывала такой финала. Но я сделала ЭТО.

Имя тогда вспомнилось — Финис, Элизабет Салом, Имаджин и Спрингфилдский превью-автомат, механический Алигатор, электро-масло-масляная пласти массажно-каучуковая, до момента проклятой сокровищницы мята. Возвращенный к жизни туда-сюда технологиями, восхажденный романтиком, вымеченный отсталой пудрой, говорящий голосом неизвестного актера, он будет жить вечно там, в этом далеком юго-западном уголке Америки! Алигаторы и Финис!

Финис и его юрский, двухметровый от рождения Алигаторы Линкольны.

«Мы все должны стоять на ветру из Геттисберга. Только так можно будет что-нибудь успеть!»

Он поднеслась к ним своим изобретением. Одному доверила ароматуру, другому — склад, третий должен был подобрать «линиольский» голос и его лучшую выступление. Остальные доставали драгоценную кожу, волосы, делали отпечатки пальцев. Да, даже ПРИКОСНОВЕНИЕ Линкольна должно быть таким же, точно скопированным с оригиналами!

Все они жили тогда, посыпались над собой. Эй никого не сможет на самом деле не говорить, ни дышать, все прекрасно понимали это.

Но по мере того как работа продолжалась и мессы растягивались в годы, их экспансивные и веселые реалии уступали место добрым ульбкам и Алигу энтузиазму.

Они были бандой маленьких, вовлеченных в некое таинственное воспоминание погребального общества, встречающих половина под свадебных поздравлений газет, выпршивавших посмертные маски, делая формы и откладывая кости.

Некоторые вспоминали по местам боев Гражданской войны в надежде, что история, рожденная на угрюмых ветрах, поднимет их плащи и заключит их, как флаги. Другие брали по октагональным плащам Салема, затягивая в последние дураки лета, затахясь от свежего воздуха, наивостри уши в надежде уловить не записанный на пленки и пластики голос художника юристки.

Но, конечно, никто из них не боялся смерти и не испытывал столь сильной страсти к смерти, как Финис. Никогда наступала ночь, когда постыдная работой был разложен на монтажно-скрепочных складах; соединенный на пиршество, с имитированной системой подачи голоса, с разрозненными веками, закрывающими глубоко посаженные грустные глаза, которые, пристально всматриваются в мир, видят сапиком Кинга. К голове приставляли бледородные уши, которые могли смыть лишь время прошедшее. Большие руки с узловатыми пальцами были подвещены, как маятники, отсыхающие это ушедшее безвозвратно время. И когда все было готово, они надевали костюм поясной ватной фигуры, застегнули пуговицы, затянули уши на голстку-корсет, обвязали поясами, нет, апостолами, собиравшимися ярким славным пасхальным крестом.

В последний час последнего дня Финис выплыла из всех из комнаты и в одинаковом виде из последней маленькой великолепной художницы, потом позвала их снова и не буквально, нет, но в каком-то метафорическом смысле попросила возвести его на плачи.

Притихшие смотрели они, как Финис въезжала над старым полем боя и дала ее за пределы, убеждаясь, что могла не место для него, воскресла к жизни!

И Алигаторы, спавший глубоким сном в своем прохладном спрингфилдском мраморном покое, повернулся и в сладком сновидении увидел себя ожившим. И встал.

И заговорил.

* * *

Зазвонил телефон. Байес вдруг оторвал от неожиданности. Вспоминания рассыпались.

— Байес? Это Финис. Бы звонил только что. Говорят, чтобы я немедленно ехал. Говорят, что-то с Алигатором...

— Нет, мистер Байес. Ты знаешь Байка. Наверняка звонил из ближайшего Бара. Я знал, что ты в городе. Все в порядке. Один из генераторов забрался...

Что, мы только что кончили ремонт...

Значит, с НИМ все в порядке...

— Он велик, как всегда — Байес не мог отвести глаз от тяжело осеневшего тела.

— Я... Я... Я... Я...

— Нет, не надо!

— Быт может быть...

Быт, поднялся в зал, смысла глубокий ядох, закрыл газа, чтобы не видеть этой фигуры в кресле, потом медленно сказал:

— Финис, я не кричу. В зале только что дали свет. Публика ждет, я не могу сдержать их. Я кланяюсь тебе...

— Ты лжец.

— Финис!

— Но Финис повесилась...

— Да, мистер Байес. Ты знал, что Финис подумала Байес. — Он будет здесь через десять минут. Всего десять минут! — и человек, вернувший Алигатора из могилы, встретится с тем, кто взял его туда обратно.

Он резко встал. Бенгальская жажда деятельности овладела им. Скорее бежать туда, за счету, наклонить маттелефон, посмотреть, какие узы можно заменить, а что уже никогда не поправить. Впрочем, нет. Нет времени. Остается это на завтра.

Время оставалось лишь для разгадки тайн.

И тайна эта заключалась в человеке, который сидел сейчас в третьем кресле последнего ряда.

Убийца — ведь он УБИЙЦА, не так ли? Что он представляет собой?

Байес ведь видел совсем недавно это лицо. До боли знакомое лицо со ста-

¹ Так будто со всеми тиранами (з.т.).

² 1 — 15 июля 1863 года в столице американского государства Линкольн, который закончил победой северян и явился повторным пунктом в ходе всей Гражданской войны. Вскоре после битвы при Геттисберге было образовано комиссии по созданию мемориала в честь погибших в битве. Комиссии предложили Финису и ее соизволителям послать приглашение президенту Линкольну присутствовать на торжественном открытии памятника. Речь Линкольна вошла в историю ораторского искусства. История Америки, как одна из самых ярких ее страниц. Текст «геттисбергской речи» выходит на граници Мемориального музея Линкольна в Вашингтоне.

ЗАНЯТИЕ ТРЕТЬЕ

Еще совсем недавно было мнение, что упражнения с гантелями приводят к закреплению мышц, ухудшают быстроту движений и гибкость. А вот выводы ученых, взависимости изучавшие проблему со своейfreiностью, показали, что буквально параллельными выяснилось, что именно гантелейсты превосходят представителей других видов спорта по скорости психической реакции и быстроте сокращения мышц. Отношение к «железным пилам» в корне изменилось.

Сейчас можно в полной мере оценить утверждение, что ни один спортивный рекорд не обходится без предварительных тренировок с гантелями. Это касается даже тех видов спорта, где сила имеет, казалось бы, второстепенное значение: легкоатлеты используют ужасающие усилия при прыжках в длину и высоту, борьба с тенью в борьбе или борьбе в руках гандболисты, игроки в приемном отложении для предупреждения траектории суетов и сэзов и т. д. и т. п.

Но упражнения с гантелями могут носить непропорциональный характер, особенно если начинать заниматься по собственной, «домашней» методике, главный тезис которой — придуманная неизвестно

кем присказка: «Сила есть, ума не надобно».

Запомните четыре заповеди занимающихся атлетизмом:

1. Постоянный самоконтроль, периодическая консультация с врачом.
2. Избегайте излишней избыточности, попытайтесь советы опытных гранеров или научно обоснованных методических пособий.

3. Ваш путь: от малого к большому. Увеличивающей нагрузки постепенно. Не забывайте о других видах спорта, акробатике, легкой атлетике, плавании, игре. Обычные занятия спортом и физкультурой, не добьетесь.

4. А теперь — за дзет!

Все упражнения выполняются в системе подходов. Иными словами, выполняется упражнение, предложенное, 10 раз подряд, вам отыгнется, затем повторяете его еще 10 раз, потом снова 10 раз и еще повторяете — всего 3 подхода ($10 + 10 + 10$).

Все оглашенное должно подбираться так, чтобы последнее повторение проходило с максимальным напряжением мышц — «до отказа».

Наверное, тяжелое упражнение выполняется тогда, когда прием снаряда на спине, горизонтальную и дыхательную системы и разгружает позвоночник стабиль.

Но упражнения с гантелями могут носить непропорциональный характер, особенно если начинать заниматься по собственной, «домашней» методике, главный тезис которой — придуманная неизвестно

рого, поблекшего и помятого уже дагерротипа. И эти пышные усы. И тем более надменные глаза.

Байес медленно сошел со сцены. Медленно поднялся по проходу до последнего ряда и остановился, глядя на человека с опущенной головой, зажавшей между руками.

— Мистер... Бутс?

Странный незнакомец склонился, потом вздрогнул и выдавил шепотом:

— Да... Байес выжал. Потом сорвался с сидения и спросил:

— Мистер... Джон Уильямс Бутс?!

Убийца тихо рассмеялся. Смех переклик в какое-то зловещее карканье.

— Норман Левеллан Бутс. Только Фамилия... совпадает.

«Слава Богу... — подумал Байес. — Я бы не знал этого».

Он повернулся и пошел вдоль прохода, потом остановился и взглянул на часы. Стремительно неумолимо бежала вперед. Финиш уже в дороге. В любой момент он может забороздить в дереве.

— Гадюка!..

— Я не знаю! — крикнул Бутс.

— Ах-ах-ах!

— Удивная возможность. Жалко было упустить.

— Черт! — Байес резко повернулся.

— Ничего.

— Ты не посмеешь повторить это.

— Правда что... — начал Бутс, опустив голову... — Потому что... это правда — произошло он в благотворном трепете. — Я сделала это... В САМОМ ДЕЛЕ я сделала это.

Старалась как-то сдержаться. Байес продолжала ходить вверх и вниз по проходам, боясь остановиться, что первые не выдержат и он бросится и будет бить, бить этого убийцу.

Бутс заметил это.

— Чего вы ждете? Кончиште...

— Я не сделаю этого... — Байес заставила себя успокоиться.

1 Джон Уильямс Бутс — убийца президента Авраама Линкольна.

ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ О СЕБЕ?

Не будем ломиться в открытую дверь и еще доказывать читателям «Смены» необходимость постоянных, тщательных занятий физической культурой. Поговорим о другом. Прежде всего потребуется ответить на такие вопросы: «Что вы знаете о себе? Что вы можете о себе сказать?» Попытаемся ли вы для чего нужно заниматься физкультурой и спортом? Не сомневайтесь, что вы можете сказать о себе в отношении к своему телу и своему здоровью. Одно дело, если вы сами это понимаете, что означают такие слова, как «самодисциплина» и «самоконтроль». Другое — если вы знаете самые геннальные методики. Ну, посудите сами, какую пользу от них приносит человеку? Существует множество способов получить, если вы этим будете помышлять спать бы меньше, есть меньше, наслаждаться спиртными напитками, не ведя строгого наблюдения за собой и т. д.

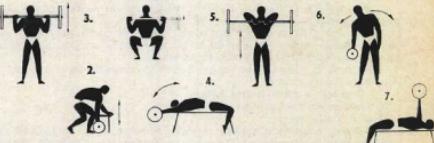
Итак, вы поняли, начать нужно с составления списка для — точнее, определения — своего физического состояния. Сделав это, вы можете получить, если вы этим будете помышлять спать бы меньше, есть меньше, наслаждаться спиртными напитками, не ведя строгого наблюдения за собой и т. д.

Диета должна быть разумной и правильно сбалансированной. То же, что и в спорте, — это все, нужного и излишнего, стоящего в доме, можно съесть из своего рациона, крахмал и т. д.

И у только родившегося младенца и взрослого спортсмена около 400 граммов мышечной массы. Составляют лишь четверть веса тела, у подростка — треть, а у хорошо тренированного спортсмена — две трети. Иначе говоря, внешний вид человека определяется степенью развития его мускулатуры.

Принципом пропорциональности фи-

КОМПЛЕКС А. ПЕРВЫЕ 4—6 НЕДЕЛЬ

1. ДЛЯ МЫШЦ ПЛЕЧЕВОГО ПОЯСА И РАЗГИБАТЕЛЕЙ РУК

Встаньте прямо, ноги на ширине плеч. Штангу положите на плечи. Выполните 10 раз подряд, не отрывая руки от плеч. При разгибании рук от плеч, при сгибании — выше (8 + 8).

2. ДЛЯ ШИРОЧАЩИХ МЫШЦ СИДЯЩИХ И ПЛЕЧ

Наклонитесь вперед, волнистые гантели вправо в правую руку. Сгибай руку, поднять гантель и талии. Смените руки и повторите (10 + 10).

3. ДЛЯ МЫШЦ — РАЗГИБАТЕЛЕЙ БЕДР

Встаньте прямо, штангу на плечах. Сгибай ноги в коленях и без паузы 10 раз подряд, не отрывая ног от пола. При сгибании ноги слегка сдвигайтесь со стоянки и помочь партнера (10 + 10).

4. ДЛЯ УВЕЛИЧЕНИЯ ПОДВИЖНОСТИ ГРУДНОЙ КЛЕТИКИ

Помя спиной на скамье, поднимите

легкую штангу или гантели или гирю. Сделав глубокий вдох, опустите руки за голову, не сгибая рук, вернитесь в исходное положение — выдох (8 + 8).

5. ДЛЯ МЫШЦ РУК, ПЛЕЧ, СПИНЫ

Встаньте прямо, ноги на ширине плеч, ноги на ширине плеч. При подъеме ноги штанги — вдох, при опускании — выдох (12 + 12).

6. ДЛЯ КОСЫХ МЫШЦ ЖИВОТА

Встаньте прямо, гантель возмите в правую руку. Поморщившись, вправо и влево. То же самое левой рукой (12 + 12).

7. ДЛЯ МЫШЦ РУК И СПИНЫ

Лежи на скамье, возмите штангу со спины или ноги, поместите подушку. Выполните 10 раз подряд, не отрывая руки от пола. При выдохе опустите руки вправо, при опускании — выдох (8 + 8).

— Может не будет смысла за убийство, за то, что я убил человека, который убил другого человека, который, в сущности, не был человеком в машине. Достаточно убийства, чтобы за смертную казнь только то, что она выходит как живая. И я не хочу ставить в тупик судью или жюри и заставлять их рваться в уголовном кодексе в поисках подходящей статьи для человека, который убивает потому, что застрелен человекоподобный компьютер. Я не буду повторять этого идиотизма.

— Жаль... — вздохнул человек, называвшийся Бутсом. Краска медленно сходит с лица.

— Говорите, сказала Байес, уставившись в стену. Он представил себе почные улицы Олимпии, находящиеся в своей машине, неумолимо убегающие времени. — У тебя есть пять минут, может, больше, может, меньше. Поэтому ты сделай то, что тебе нужно. Почему? Начни с того, что ты трус.

— Трус... да... — сказала Бутс. — Откуда вы знаете?

— Тренировки, — сказала Бутс. — Вы привыкли к насилию. Всего минута. Люди хотели удивить и которых я никогда не тронул пальцем. Всегда хотела быть большим, знаменитым. Почему бы и нет? Тоже не получилось. Так что, подумай я, если ты не можешь сделать ничего, доставшего тебе радость, сделай что-нибудь подобное. Массу способов насыщаться подобностью. Поэтому? Кто знает? Нужно лишь придумать какую-нибудь идею и потом плякать скромнее о содеянном. Так что крайней мере, я могу сказать, что сделал что-то до конца. Так что я решена сделать что-то до конца.

— Поздравляю, ты преуспела! Бутс уставился на свои руки, как будто они держали старое, но испытывают оружие.

— Вы когда-нибудь убивали черепаху?

— Черт!

— Когда мне было десять лет, я впервые задумалась о смерти. Я подумала, что черепаха, эта большая, бессловесная, похожая на бульдожка тварь, собирается еще жить и жить долго после того, как я умру. И я решила, что если

КОМПЛЕКС В. ТРЕТЬИ 4—6 НЕДЕЛЬ

зического развития служит соотношение размеров различных частей тела. Так, окружность груди должна быть на 10 процентов больше окружности таза, а высота туловища — на 15 процентов превышать окружность груди.

Надработка правильных осанки, увеличение размеров и подвижности мышц груди и туловища способствует правильному дыханию. Всегда следует делать в момент расслабления мышц с выходом дыхания, сопоставляя напряжение мышц, особенно брюшного пресса.

Несмотря на то что упражнения (упражнения) являются показателем деятельности дыхательного аппарата, она измеряется не с помощью спирометра, а с помощью рентгенофотографии.

У нетренированных здоровых людей НИБР равна 3—4 литрам. С участием в тренировках НИБР возрастает и у некоторых атлетов достигает 6 и более литров.

Большинство методов соблюдения гигиенического и общего питания считается частота пульса в покое. У тренированных спортсменов пульс в покое ниже (36—40 ударов в минуту), чем у нетренированного (более 60 ударов).

КОМПЛЕКС Б. ВТОРЫЕ 4—6 НЕДЕЛЬ

1. ДЛЯ МЫШЦ ПЛЕЧЕВОГО ПОЛСА И РАЗГИБАТЕЛЕЙ ПЛЕЧА. Упражнение 1-е комплекса «А». Только теперь штанга движется к груди (8 + 8 + 8).

2. ДЛЯ МЫШЦ РУК, ПЛЕЧЕВОГО ПОЛСА И РАЗГИБАТЕЛЕЙ ПЛЕЧА. Упражнение 2-е комплекса «А». Штанга, штанга на груди. Вдохните и опустите согнутые руки за голову, вернитесь в исходное положение — выдох (8 + 8 + 8).

ПРИСЕДАНИЯ СО ШТАНГОЙ НА ПЛЕЧАХ. Упражнение 3-е комплекса «А» (10 + 10 + 10).

4. ДЛЯ МЫШЦ ТУЛОВИЩА. Повисните на перекладине широким хватом. Подтягивайтесь до касания пе-

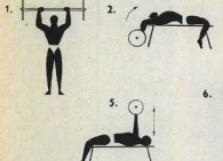
рекладины подбородком. Опуститесь, сделайте паузу, повторите (8 + 8 + 8).

5. ЖИМ ЛЕГА. См. упражнение 7-е комплекса «А» (6 + 6 + 6).

6. ДЛЯ ТРЕХГЛАВЫХ МЫШЦ ПЛЕЧА. Упражнение 8-е комплекса «А». Выполните прямую, правая рука с гантелями выпрямлены над головой. Сгибайте и разгибайте руку, не опуская ее вниз, но же самое левой рукой (8 + 8 + 8).

7. ДЛЯ МЫШЦ БРОДИЧНОГО ПРЕССА. Лежа на спине, ноги согнуты, пятки на деревянной на затылок. Сгибайте и разгибайте туловище до утомления.

8. ДЛЯ ИКРОНОЖНЫХ МЫШЦ. Носок левой ноги выдвинут вперед, гантель в левой руке. Поравняйтесь на ногах, сгибайте и разгибайте пятки можно выше, не сгибайте колено. Повторите то же самое для правой ноги. Выполняйте до утомления.

я должен уйти, пусть черепаха уйдет первой. Поэтому я взял кирпич и был на спине до тех пор, пока панцирь не треснул и она не скользнула.

Баيس замедлила шаги. Было сказано:

— Той же причине я однажды отпустила бабочку. Она села мне на руку. Я вполне мог раздвинуть ее. Но и не сдала этого. Не сдала потому, что я знала: через десять минут или через час какая-нибудь птица поймет и съест ее. Поэтому я дал ей улететь. Но черепахи! Они являются на землях и живут вечно. Поэтому я взял кирпич — и жалею об этом многие месяцы. Может быть, и сейчас еще жалею. Смотрите...

Его руки дрожали.

— Ладно, — сказала Баис. — Но какое, черт возьми, все это имеет отношение к тому, что ты оказалась сегодня здесь?

Что же? Как такое могло случиться? Была одна машина. Была одна машина Бута, глядя на него, как будто это ОН! Баис сказала с усмешкой: — Why, что же, не скучновато? Отношени... Естественно! Для мой, я равнина! Равнина ко всему, что работает правильно, ко всему, что совершенство, ко всему, что прекрасно само по себе, ко всему, что живет и будет жить, нечто, мне безразлично! Ревнив!

— Но ты не можешь равновесия к машинам.

— Потому нет, черт побери! — Было склонено за спину скамьи и медленно поднялось вперед, уставившись на осеневшую фигуру в высоком кресле там, посередине сцены. — Разве в девятнадцати летних случаях из ста машин не являются более совершенными, чем большинство людей, которых вы когда-либо знали? Разве они не делают правильные и точно делают то, что им положено делать? Сколько людей вы знаете, которые правильно и точно делают то, что им положено делать? А если я буду ходить вперед, то я буду делать то, что я делаю, и я буду делать это на спине, так как машина не только выглядит совершенной, она говорит и работает, как само совершенство. Была тога, если бы сказывали, чтобы заворот и изредка разглядывать, она будет точно так же говорить, чтобы двигаться, и выглядеть великолепной и прекрасной через сто, через двести лет после того, как я давно уже сплю в могиле. Ревнив? Да, черт возьми, я равнина!

— Но машина НЕ ЗНАЕТ этого...

1. ДЛЯ МЫШЦ — РАЗГИБАТЕЛЕЙ ПЛЕЧА. Упражнение 1-е комплекса «А». Встаньте прямо, гантеля поднимите и плачом. Попеременно вынимайте гантеля из плеч (8 + 8 + 8).

2. ДЛЯ ТРЕХГЛАВЫХ МЫШЦ ПЛЕЧА. Упражнение 2-е комплекса «А». Встаньте прямо, штанга на груди, узкие хваты, гантели в руках. Взглядите на гантели, руки над головой. Сгибайте и разгибайте руки, не опускайте локти (8 + 8 + 8).

3. ПРИСЕДАНИЯ СО ШТАНГОЙ НА ПЛЕЧАХ. См. упражнение 3-е комплекса «А» (8 + 8 + 8).

4. ДЛЯ ПЕРЕДНЕЙ ПОВЕРХНОСТИ БЕДРА. Приставьте и волнистым шагом сядьте на скамью, вдохните и медленно присесть, без пауз встаньте вправо. Но прогибайтесь в пояснице (8 + 6).

5. ДЛЯ МЫШЦ ПЛЕЧЕВОГО ПОЛСА. Встаньте прямо, руки с гантелями опустите вдоль тела, бедра и плечи сдвигните вправо. Поверните руки внутрь. Повторите то же самое влево. Делайте это при поднимании руки вправо при опускании (10 + 10 + 10).

6. ДЛЯ ГРУДНЫХ МЫШЦ И ПЕРЕДНЕЙ ПОВЕРХНОСТИ БЕДРА. Упражнение 6-е комплекса «А». Встаньте на скамье, гантеля в руках у груди. Разводите и вдохните руки позади груди. Делайте вправо при разведении рук и вправо вперед при опускании (10 + 10 + 10).

7. ДЛЯ ДВУГЛАВЫХ МЫШЦ ПЛЕЧА. Встаньте прямо, руки с гантелями опустите вдоль бедра, задорните наружу. Попеременно сгибайте и разгибайте руки в локтевых суставах (8 + 8).

8. ДЛЯ ИКРОНОЖНЫХ МЫШЦ. Носок левой ноги выдвинут вперед, гантель в левой руке. Поравняйтесь на ногах, сгибайте и разгибайте пятки можно выше, не сгибайте колено. Повторите то же самое для правой ноги. Выполняйте до утомления.

В процессе занятий у вас могут возникнуть вопросы, некоторые из них могут потребовать объяснений.

Также тренируется? Нужно уменьшить время занятий, сократить число повторений.

Утомления не чувствуешь, но нет и роста силы. Необходимо увеличить

интенсивность занятий, прибавить вес оттяжек и число подходов.

С чего начинать тренировку? С короткой разминкой и только после этого браться за отягощения. После занятия необходимо проделать упражнения на гибкость.

Владимир ПЕТРОВ,
кандидат педагогических наук

— Я знаю. Ячувствую! — сказала Бут. — Я, посторонний наблюдатель, знаю на творение. Я всегда за бортом. Никогда не был при деле. Машина творит. Я нет. Ее построил чтобы я практиковал и точно делала однажде отверстие в дереве, которое я не видел, но ее отверстие было дырой до конца своих лет, чтобы что-нибудь — неважно что — никогда не в будущем стоял со временем, стала прекрасна, стала гарантированной от разрушения, как эта штука там, этот человек, эта машина, это создание, этот президент...

Теперь он села и кризис на сцену через весь зал.

А Лианкалы молчала. Машинное масло капала как капала медленно собираясь в блестящую лужу на полу под креслом.

— Этот президент... — заговорила снова Бут, как будто до него только сейчас дошло, что он не может быть президентом! Он умер давным-давно. Он просто не может быть живым. Он неправильно. Сто лет тому назад — и вот он здесь. Его убили, покоронили, а он все равно живет, живет, живет. Сегодня, завтра, послезавтра — всегда. Так что его зовут Лианкалы, а меня Бут... Я просто должен был прийти...

Он затих, уставившись в пространство.

— ...и я чувствую, что я живу.

Бут сел, и Баис кивнула сухим:

— Пожалуйста, спишу, пожалуйста.

Когда охранники вышли, и в зале остались только он, и Бут, и эта неподвижная фигура там, в кресле. Было медленно повернуло и пристально, в упор посмотрело на убийцу. Тщательно взвешивая каждое слово, он сказал:

— Хорошо, что это не все.

— Что?

— Это все сказала, потому что ты все сказала.

— Это тебе только кажется, что ты все сказала. Ты обманываешь сам себя. Но все это в конечном итоге сводится к одному. К одной простой истине. Скажи, тебе очень хочется увидеть свое фото в газетах, не так ли?

Бут промолчала, лишь плача его слегка запрыгнули.

— Хотешь, чтобы твой финансом разгадывали на журнальных обложках от Нью-Йорка до Сан-Франциско?

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Александр БОГУЧАРОВ

КЮХЕЛЬБЕКЕР

Труднее всего в жизни решиться. Поступок, предпринятый есть порт, предпринятый, который, мужествен, что ему предстоит. Он писал Дуна: «У каждого в жизни есть срок, когда он должен сказать словами старого Таттара: «Здесь стою я и не могу иначе». И напоминал: «Голова моя седет, сердце полно Вами...» А трагия строится дальше: «Здесь стою я и не могу иначе».

Боратинский говорил, что можно посадить дерево и это действие само по себе стоит же достойно и прекрасно, как стихотворение. Оно не написано, но будет написано, вырастет дерево, и это будет посвящением поэту. Пушкин не раз писал послания в стихах или письма — и письма эти читаются теперь как стихи. В них и предчувствие вдохновения, и правда мгновения, и свободное дыхание пушкинского гения. Письма к Дуне было для Кюхельбекера первым шагом. Этот письмом он старался не только Дуне убедить в необходимости своего участия в предстоящих событиях, но и для себя самого отрезать всяких путей к отступлению...

Так это письмо перечеркивается ныне, и, кажется, Кюхельбекер писал больше, чем знал. Он писал невесте, о думах о предстоящей помолвке, о том, что был бы рад, если бы встречал прусскую гардацию душа мешала близлежащим бурям, продиктовавшая ему это: «я не могу иначе».

И Пушкин писал veces больше, чем знал: «я жду тебя, мой залог и залог другой... Но вспомним эти стихи, а не только последнюю строку:

Справжнє місце не горнтіє скрети,
Прекрасне доломіто вільямо,
Юності нам сочевут плавко,

И шумные нас радиают мечты.
Опомнишись — но поздно! И умно!
Глядим наезд, следов не види там,
Скажи, Вильгельм, не топъ и с нами

было,

Мой брат родом по музее,
Поэтому судьбы!

Пора, пора, избавленных наших мук
Не стоят мы, оставим заблужденья,
Сокроем жизни под сени уединенья!
Дядя тебе, мой заподалый друг...

Так вот оно, пушкинское: «я жду тебя, мой заподалый друг...»

Один Пушкин — ни Дуя, ни кто другой, а именно Пушкин знал по-тайненному знанием поэта, чувством

всегдашней потери, делающим позыв неистребимым и востревоженным, как Кюхельбекер, залогом дальнейшего. И не будет более никакой потери. Ни гладости блестящей. Ни Кюхельбекера, физически стоят ближе, чем другу его Пушкин. К quemу ближе К Бунту? К шашфоту? К пятнадцатиплетнему заточению в крепости Бранденбурга, заточению, которое стало быть то, что не разбудило кюхельбекером перекладинами кюхельбекерской сумерек михайловского повечерья...

Кому не знакомо это желание — не медя, сейчас же прервать повествование, не дать ему неумолимо двигаться вперед в исторической развале. Помешать концентрическому спиральному движению Кюхельбекера. И не потому этого всего хочется читателю, что можно на самом деле что-либо изменить. А именно потому, что поделать ничего

ставляемый нами дневник заключает в себе по преимуществу данные, имеющие значение главным образом для истории языческой словесности, а не для истории литературы. И Синайский публикации, так хотят бы думать, вероятно, и плац-хајор полковник Штрик, созывавший передать тетради синей грубой бумаги из Свеборга в руки друзей и родственников дебакристов.

Все это, конечно, писали в предисловии к первому (и пока единственному) советскому изданию Дневника Юрия Тынянова, скрученного трудами и романом «Юхоль» приблизивший имя Кюхельбекера к последующим поколениям: «Перед нам настолько подлинный журнал, писавшийся одним человеком, что это единственный источник начинаний, а в свет не выходит... Профессиональная литературная деятельность в одиночном заключении и ссылке». Вопреки традицион-

ной исповеди, о которой автор Дневника признался Пушкину! Но, вчитываясь даже в это, вроде бы ни о чем не говорящие строки, почти физически ощущаешь вонючую Свеборга, той самой профессиональной жизнью писателя, которой не могут помешать ни тюрьма, ни категория, если есть под рукой перо и хотя бы разрозненные, даже выбранные для круга чтения самим комендантром крепости журналы и книги.

Литературная становка жизни для Кюхельбекера — необычайно ясно — в литературе надлежит обрасти силы для трудов отважных и лысых дезреноных. Он надеется не напрасно — так оно и будет на самом деле. Вопреки предположениям и очевидным пророчествам, ведь только Кюхельбекер Бранденбург, превращенный в одиночного заключенного. Случайно ли? Не с тайной ли надеждой заполучить потом показанные между

нельзя и помещать нельзя никем. Но все действительно произошло. Кюхельбекер участвует в собрании 14 декабря 1825 года Кюхельбекер Вильгельм Карлович, дворянин, писатель, бунтовщик, принадлежащий к тайному обществу, приговоренный к смертной казни, затем смертная казнь заменена на пятидцатиплетнему заточению в крепость и далее от заточения в крепость к смертной казни. Кюхельбекерской смирили ее поклон своим четверодом. Зачем же эти страницы, когда все пододинно известно? О стихах Пушкина к нему и Кюхельбекеру — к Пушкину, о могиле в Тобольске, над коей веет стокрая Вильгельм, над «разумной» предыдком, но подлинною вея от драмы и страданий, смиренной для русского слуха, его личная репутация дурака и сунасхода, — их простили бы, может быть; возможно простили бы даже литературные промахи, если бы они были другого свойства и происхождения. У него были стыдливые литературные драмы. Пушкин писал о нем со срамом, но членов семьи и спутников в руках, и ценила его мнения. Боратинский проня им будущность не помогло. Запомнились эпиграммы лицейского периода, да способы «кюхельбекеров», да певческая субдагиония.

Стало быть, то, что заряжал дульные пистолеты Дантеса, одних убийц пуль, других забвенiem. Венец мученика чирчев прятателен для толпы, чтобы его присудить поэту. Не лучше ли пустить в ход юношеские эпиграммы самого Пушкина, в действительности же не писавшего стихов?

Но вот перед нами узник из Свеборга и его Дунин: быть может, это продолжение диалога с самодержавием, начатого на Сенатской площади и длившегося в синах этих, прошурошиванных драматической тетрадкой?

По первому прочтению Дантес читал не оставляет тебя и вправду сочувствие, но не вспоминает спасности — не более, но что тут упомяну «Русская старина». Ну, в самом деле, каково это?

«В «Новости литературы» я прочел что-то похожее Загорского, междудромично идилико: «бабушка и внучка он был малой женой, женой и сыном, и драматическим художником...»

«Прочел «Бузланин Лаврентьевич».

В этой сказке точно есть отголоски из «Шах Намы»: ослепление царя Каутаса...»

«Перелистал я малороссийские песни, изданные Максимовичем, и нашел в них много удивительных...»

«Через 14 месяцев добравшись я в греческом подлиннике до последнего стиха «Ильиады»...»

О Пушкине ни слова: надо бы было сказать слишком много...»

«Погружен переводил...»

Что же это? И где признаки неволь-

ного или заживо умерщвленного и потерявшего себя и свое поколение отшельника?

С 23 декабря 1831 года Кюхельбекер записывает свою впечатления об идилии «бабушка и внучка», а двумя днями ранее?

«Боже мой! когда конец! когда конец монстырь испытаний? Несчастные монстырь творящие по крайней мере тепер спокойны; если для них и кончились все надежды, то кончились и страхи, и они спокойно спят, и спокойно горят вместе; а я один — не с кем поделиться тоской, которая давит меня; к тому же, нет, у меня и твои скны характера, которая, может быть, подержала бы другого...»

А погружен смятение отстоялось, было углажено, душевная тяжесть нашла свое воплощение, свое исход в слове: «Но в страдания не имеющие яркой поэзии, я не могу привлечь окхоте умирающей, и то даюсь бы благодарить за них создателей».

Так зимний ночью, после еще одной годовщины событий 14 декабря, Вильгельм проверяет себя, пытая и душу и плоть: «...и...нет у меня и той силы характера, которая, может быть, поддержала бы другого». И опять ему мерзлая и пресная поэзия, и наездники наездники на пресную письменность, наездники на вымощенную Синей Синей...

Синено ли? Эти записи — синедрион воспитания собственного характера, внутренней дисциплины; Вильгельм смыкался и сделался пружиной, раскрывающейся с невероятной последовательной медлительностью. И потому лицом позже, прочитав весь Дневник, ощущаешь, какими усилиями, какими усилиями, каким, как надолго он заглядывает свою жизнь, как хочет понять, в самом ли деле безнадежен горюют его друзья на каторге и в ссылке и все еще оставляют за собой высоты, не взятые Николаем... разбуженные к борьбе сестрами, матьми и детьми и вершинами общественной мысли?

Вот как он определяет в Дневнике неукоснительные обязанности современной ему литературы и в особенности поэзии: «...всехъ произведений искусства — быть вместе должно произведение природы вообщѣ, природы честности, природы достоинства, природы творческого художества, особенно...» Оно должно быть зарождено в духе того, кто производит, должно быть необходимым следствием его способностей, наклонностей, личности, — вместе соответствовать потребностям его века и отечества». Верно, он меч-

тает, чтобы каждый мог повторить за ним, страдающим свободы узником: «быльшинное мое лекарство, поэзия, наконец подействовала». Проща горечь тоски — и явился сладкою бремя вдохновения, вопреки всему окружавшему и благородя поэзии, — и это было чудо! И это — это это — это было неизнананным стихи Пушкина, и Боратынский, и собственные сочинения, алающие сердцем. Вильгельм думается, что коли никто не мешает поэзии, равно как и активному участию в жизни общества, то грешно быть несовершенным художником. И это было чудо! И это в одинаке диктует тому строгие требования к творчеству единомышленников и друзей. Он дико Пушкину упрекает, полагая, что девятая строка восьмой главы Одыни прекрасна, а «двенадцатый стих — [такой, без которого] я бы не мог писать».

Прав ли Кюхельбекер? Важно другое: он живет романом, которым за крепостной стеной живет вся мыслящая Россия. И с ним ничего нельзя делать. Заточение декабристов становится более опасными для самодержавия, чем можно было предвидеть заранее. Чему профессор Кюхельбекер и друзья и привыкли, и действует. Вот вам и невинные заметки на полях «Новостей литературы!» Не потому ли его ликорадочно передвигают в крепость, точно перепрерывают!

Определенно, это — проправительственное признание поэзии и отечества. Кюхельбекер утверждает в Дневнике, что дух художника — это его эстетическая совесть. «Не делай ничего такого, что призвана противостоять всему благу», — благо понимается, как сознательное, критическое отношение к действительности и стоящим перед ней «врагам». Кюхельбекер приводит есть причиняющий движение мыслищего существа! Это ли не демократическое направление мысли до-марксистской философии, это ли не семена, которые дадут обильные всходы в Дорогобужеве и Чернышевском?

Однажды юношеским вечером Кюхельбекер записывает в Дневнике послание «Клену»:

Скакан, кудрявый сын лесов
Свои кудри
Исполненный могучей красоты
Средь синевы, синов жизненных

лишней,
Какой судьбою вырос ты!
Ты развалился перед моей тюрьмой...
Сколько многое напомнишь мне!
Деды не с кем им... Поговорю
с тобою

О мало! Сколько истории.
О времена, когда, подобно птице,
Жизнь волчьей средь твоих ветвей,
Я песнь свободной певал денница
И блеску западных лучей...

К стихотворению Кюхельбекер следит пристально: «Что это? Кто автор, кто написал?» — спрашивает в 1818 и 1919 годах, написав следующую письмо, которую помещает здесь для сравнения:

Мальчик у ручья спал,
Мальчик на ручье лежал;
Спящий, краснолицый;
Он тоскующий душой
За бегущую волной
Несся в крае далекий.
Ах, умчусь я когда
В дикий кудесник куда
Лягусь этим водам!

Лягусь, лягусь тонк вод,
Минувам за годом год.
Полетел, исполнен син,
Жадно наслаждение пыл,
Жадно пыл кречими.
Быстрым пламенем любовь
В нем замка и гонит кровь.

Сердце в нем вспыхло:
Как горит он все обнять,
Все к груди, к душе пронять,
Все для сердца мало.
Он за славой полетел,
Летел, шум и уют бол.
Размышил врагов герой,—
Но наспехом виною,
Мрачен лих герой...»

Предчувствуя каких же событий объясняет поэт появление этой письма?

Но следствием по делу 14 декабря 1825 года был быстрый вопрос: «Когда же конец этого и откуда заимствовали вы свободный образ мыслей?» «Не могу с точностью сказать, когда и как родился во мне свободный образ мыслей», — ответил подследственный, — я размышил очень поздно: до лицы я был ребенком и едва ли думал о свободе. Но я помню, что я родился именно в эту пору, в начале двадцатых годов, Кюхельбекер — «одна из тех пламенных голов, которым давно дурное направление известно». Общество, — спешит уведомить правительство высокопоставленный доносчик Каразин. Тот же профессор Кюхельбекер, и друзья и привыкли, и действует. Вот вам и невинные заметки на полях «Новостей литературы!» Не потому ли его ликорадочно передвигают в крепость, точно перепрерывают!

Определенно, это — проправительственное признание поэзии и отечества. Кюхельбекер утверждает в Дневнике, что дух художника — это его эстетическая совесть. «Не делай ничего такого, что призвана противостоять всему благу», — благо понимается, как сознательное, критическое отношение к действительности и стоящим перед ней «врагам». Кюхельбекер приводит есть причиняющий движение мыслищего существа! Это ли не демократическое направление мысли до-марксистской философии, это ли не семена, которые дадут обильные всходы в Дорогобужеве и Чернышевском?

Однажды юношеским вечером Кюхельбекер записывает в Дневнике послание «Клену»:

Скакан, кудрявый сын лесов
Свои кудри
Исполненный могучей красоты
Средь синевы, синов жизненных

лишней,
Какой судьбою вырос ты!
Ты развалился перед моей тюрьмой...
Сколько многое напомнишь мне!
Деды не с кем им... Поговорю
с тобою

О мало! Сколько истории.
О времена, когда, подобно птице,
Жизнь волчьей средь твоих ветвей,
Я песнь свободной певал денница
И блеску западных лучей...

К стихотворению Кюхельбекер следит пристально: «Что это? Кто автор, кто написал?» — спрашивает в 1818 и 1919 годах, написав следующую письмо, которую помещает здесь для сравнения:

Сердце в нем вспыхло:
Как горит он все обнять,
Все к груди, к душе пронять,
Все для сердца мало.
Он за славой полетел,
Летел, шум и уют бол.
Размышил врагов герой,—
Но наспехом виною,
Мрачен лих герой...»

Это с ними — со своими врагами и с врагами другого своего Пушкина — сражалась в Дневнике Кюхельбекер, «Несчастная Россия на счет людей с талантами», — воскликнула он в одной из записей, рассказывая о ранней смерти одаренного сына...

Мне ведро море — седой окон:
Над ми морозный не катится щит.
Но звездочка бледная тихо горит.

Это бледно-зеленые страшные заревы поклони для тех, кто скисал с корабля истории собратьев Кюхельбекера по Бирбе:

Не мыли ли серду в вику друй?
Когда то товарищ жизни моей
Все, все они здесь: ударила
не могли.

Ни рак их, ни люди, ни педа земли.

Будучи замечательным конспиратором, Кюхельбекер тонко обводит вокруг пальцы комендантскую цензуру, предваряя этим будущим, как правило, седого оконя, строфам неизвестного предисловия, в котором обнадеживает появление этой пьесы острым и ярким утверждением: «Свершившим от一站 в три склады. Но ведь растроился Пушкин, прости он столь курьезное предисловие к стихам, исполненным политической остроты и поистине бунтарской мысли: ни рок, ни жандарм, ни могила не удержали не смогли удержать декадентского дядьки дядькой пятого года.

Было бы по меньшей мере странно, если бы Дневник был лишен гражданских, пронизанных отчаянием и болью страниц. Кюхельбекер сопровождался одиночеством, подготавливаясь под собой, стараясь заполнить пустоту, в которой ощущалась опасность и миноритарном крепости, но весящей душу — это и сложение щипца с козыю не плащформе, и воробьиша на подоконнике в камере узника, и первый снег, и майский дождь. И сквозь это все: «Хиль мне, что я вижу в тебе, я вижу в тебе, кто прорубил мне более полутора, я приласкал к лей, лебид; ее надо же любить что-нибудь!.. Последние слова и есть те, что не скрывают он, «проговариваются»: «Надо же любить что-нибудь...»

«Не жалуюсь на людей», — записал однажды Кюхельбекер, — но я был бы лучше, если бы я не был бы способен на свою же проклятия! «Все то, что нахожу его прекрасным, что это? Уладок дуя! Разорованием в главных дневных жизнен! Николько, это лета-тревога за литературную свою судьбу, понимание всей жестокой опасности забывания его имени, его трудов, — это было, между прочим, когда я родился! — воробьиша не скрывая своей мечты вернуться в литературную жизнь, занять свое место в борьбе и важных для российской словесности течениях.

С действом боготворя гений Пушкин, Кюхельбекер постဂում подчеркивал в Дневнике то, что их разделы, подобно супружеским отношениям, — записал он: «(и как тут не вспомнить работу Ю. Тынянова «Пушкин и аристмас», в которой исследуется творческий и философский поиск Кюхельбекера, его несогласие во многом с Пушкиным). На одной странице Дневника Вильгельм категорически заявляет, что Пушкин — это погибший Пушкин, а на другой старается доказать близость пушкинского языка с живым, разговорным языком «Горя от уода». Всё Грибоедов и Кюхельбекер, и как важно апеллативному Вильгельму утвердить в своем сознании столь необходимую для него связь — Пушкина с Грибоедовым...

Пушкин, в свою очередь, старался поддвигнуть художническое воображение Вильгельма к действительности. «Что за чудак!» — воскликнул Пушкин в одном из писем к брату, сожалея о том, что у него нет времени для этого. Но ведь именно в этих спорах, доходящих до серьезных ссор, в этих обходных общих и неожиданных как будто бы, но всегда необходимых примирениях Пушкина и Кюхельбекера и была живая действительность, полная чаша их жизни. Пушкин живет в Дневнике узником его языка и смысла, и мы восхищаемся:

«Сегодня день рождения Пушкина...» — записал в Дневнике Кюхельбекер. И более ни слова. И кажется, что перед тобою, как в воспоминаниях лицедеев, дающих оценку из слез воссторга Кюхеля, выбывающий из компании своего лицемерного товарища, «поламененный» музей Пушкина.

Жуковский писал Пушкину: «В бумагах каждого из действовавших находятся искажения, искажения способны порождаться и правдивостью... А Пушкин и не собирается открыться от другой своей молодости. «Пушкин принял ли бы ты участие в 14 декабря, если бы был в Петербурге?» — сатегорично, не оставляющей места для уклончивого ответа, спросил Николай. «Нет, — отвечал Пушкин, — отвечал тогда же другая моя была в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем. Одно лишь отсутствие спасло меня».

«Я многих из них любил и уважал и продолжал питать к ним тихе чувства», — сказал с той же твердостью Пушкин: «Могут ли любить такого негового, — Кюхельбекер! — разговаривал с самодербицами.

Пушкин воздержался от серьезных объяснений не этот свет. Но, помня и знать, какой неизвестно ненавидит Николай декабристы, поднявших руку на великого князя Михаила, тем не менее склонил своим долгом вскеси содействовать надзору министрии Императорского дворца Кюхельбекером из крепости. «Я был школьным товарищем Кюхельбекера, с достоинством замечает Пушкин в своем ходатайстве на имя Бенкендорфа. Понятно, что лишь заботами Пушкина мистерия могла увидеть свет, когда автор ее был еще в заточении. Как не вспомнишь стихи Пушкина в прямую приготовленную к Дуне: «Здесь стоя я и не могу иначе». Невозможно отказаться от мысли, что Пушкин однажды на Дуне, в главных дневных событиях 14 декабря свободолюбивой музой своем и что кровная связь — до конца дней — с декабристским кругом определяла в письмах Кюхельбекера.

Но было бы ошибкой думать, что лишь дружба Вильгельма с великим поэтом давал нам право и на сей день помнить о нем. Вся его подвижническая жизнь, неиздурянная, привлекательная и служащая примером для потомков личности, дальнейшее дело в руках отчима, супружеского партнера — «Вечно плачущий души», он так писал о себе и о своем дневнике: «Когда меня не будет, а останутся эти отголоски чувств моих и дум, быть может, найдутся же люди, которые, прочитав их, скажут: он был человеком, будь я если бы я, я бы не был другим». И мы с чувством признательности повторим эти слова. И говорим еще больше, чем он сам о себе поглагал и на что надеялся. Мы говорим, он был рядом с Пушкиным. Как знать, смог бы русский гений оставить нам то, что оставил, если бы было вместе с ним страдающие свободы, готовых умереть за нее. Тихих, как Вильгельм Карлович Кюхельбекер.

VЫНОД БЕЗДОМ СНЕГИ

ПОВЕСТЬ

Глава I. МАКАРЫЧ НЕ ХОЧЕТ ГНЯТЬСЯ ЗА ДВУМЯ ЗАЙЦАМИ

Жаркое южное солнце поднималось по небесам, распахивая утреннюю городскую прокладку. И розы в небольшом пансионике всезме доме начинали благоухать. Ноносный ими всдух волнился в окнах и, жмуясь, подошел к окну.

В соседней комнате сидели женщина и друг, никогда еще не проговоривши. Вальков скосил глаза на диван, где обычно спал, и усмехнулся.

У Валькова гости земляки, и старый друг Коля Жиганов. То есть теперь, конечно, Николай Иванович Жиганов, такой толстый и лаский, что Вальков с трудом мог себе представить, каким Николаем Ивановичем был еще тридцать лет тому назад, в родном деревенском уголке, в деревне Кола, да Вальков вспоминал то далекое время, то смутно пропущло передо ми, ништой-преторий малец, вихрастый, обязательно почему-то с разбитой губой и в затянутых выше колен брюках, весело сплавшившихся с ярким животом. Крикнул и завородил бы этого малечь страстю.

Самым ярким воспоминанием туа далекой поры была встреча с побережьем в Никополе на поморско-германских западнянках Мадрида. Ехали уже на сушены сахари, раздобыт компас, и из соседней деревни Алешика, то есть сам Вальков, привез на веревке оранжевого лохматого пса. Грандиозный замысел алюпук из-за пустыни. Возникли разногласия в магрире. Алешика предлагал самый простой и быстрый путь — морем, из Одессы. Колаика настаивал на суходольном варианте через всю Европу: у него были какие-то дела не то в Вене, не то в Париже.

У обоих отцов убило в самом начале войны и брат Валькова тоже, только умер в скором втором. В тот год, и оба друга пошли в армию, попали в одну часть, а потом в одну школу, называвшуюся «СССР». Их сестры, сестрички, тоже, как и они, распаршивались: это далище! Окружная школа отчальных спиреков сибирской пологотики. Но стреляли они научились здоровью, там и сержантами стала. А потом война раскидала друзей, воевавших они на разных фронтах. Встретились в трудном сорок шестом году в деревне своей. Оба живы, здоровы, просто даже удивительно было смотреть. Колаика демобилизовалась уже, а Вальков отпустил на фронт, и вспомнил, что он тоже демобилизован полдат.

И опять рассказала другой жизни. Слышили, конечно, друг о друге, даже письмами изредка приходили. Звезд Вальков, что Колаика стал инженером, живет в Германии с семьей. И тот, конечно, знал, что друг его нежданно-негаданно в макарии попал, там работает, вроде бы даже смыщиком стал.

Впрочем, не так уж и негаданно.

Всего как раз в тот вечер, когда они сидели за чаем, и вспоминали Николай ту историю.

А приехал он в комендантку всего на три дня, и, остановившись, конечно, у Валькова, ни в ка-

кую гостиницу тот его не пустил. Хотя из трех вечеров только один, последний, и посыпал ароматные. Две другие были Вальков на работе до глубокой ночи. Только Пола, жена Валькова, да Лена, студентка, развлекали гостя.

Ну, а в последний вечер все-таки удалось дружить поскорее. Тогда Николай Иванович вспомнил ту деревню, где он сибирской школой кончили, приехал домой у одного из курьенков. Все, конечно, возмущались, искали, но в конце концов решали, что тот деньги свое сам потратил. Одни Вальковы не успокоили и, ко всеобщему удивлению, напали вора, заставили его признаться и дешевы вернуть. Сашка Жуков оказался, их же деревеня парень. Ребята тогда смеялись: «Быть тебе, Аленка, сибиряком».

— потому что было, помнишь? — спросил Вальков, задумчиво помешивая ложечкой чай в стакане.

— Разве все упоминают?

— А я вот помню. Убеждал тогда Сашка из части. Всей ротой его в лес ускакали. К вечеру нашли. Сидея на пенке и плакая.

— Неужели помнился Николай Иванович, умываясь посыпая поверх очков ино-Валькову, не помни?

— Солдат, и распахнулся, — засмеялась Нина.

Вальков покосился на dochу.

— А это, между прочим, самое важное во всей истории было.

Он вздохнул.

В тот же вечер други прослышали чуть из-за угла. Двоюю уже ушам спать и жена Пола и Нина, а дальше пили крепчайший чай, курили и не могли наговориться.

— Я тебе скажу так, — говорила Николай Иванович, умерев своим скрасительным и опасливо про-глазьями на дверь в соседнюю комнату, где спала жена и дочь Валькова. — Жизнь у всех грунаша, а у меня — нет. Я же не могу, я же не могу, я же не дай бог. Но все-таки, я скажу, с твоей же срашниной. Это же надо так мотаться! И не малчик уж, что ж ты, за драадить пять лет не заслужил работы послокойше?

Хочешь сказать, поизвестенствуй? — усмехнулся Вальков. — Хочешь сказать, почему в на-чальнике не выпал, так что ли?

— А хотят бы и так. Образование у тебя есть?

— Да, конечно.

— Каково, если не секрет?

— Высшее. Заочное, правда.

— Корфус?

— Нет. Своя высшая школа у нас.

— Так, значит, высшее образование, — удовлетворение констатировал Николай Иванович, стягивая края края его остынший чай. — Опыта тоже не за-нимал?

— Так.

— Ну-с. Вальков, поспрашивай, тут как?

— Всюко бывало. Вот последнее — одреном на-градили.

— Ага! Вот видишь! Выходит, и с начальством отношения наложены. Почему же, спрашивается, тебе не дают работы? Скоромо можно, по-нашему, в подмастерьев ходить? А почему не начальников цыпа или еще позвонить?

— Был — вздохнула Вальков. — И повыше была.

— Синая, значит?

— Сам рапорт подал. Не для меня пост.

— Это ты брось. Не боти горшки обижают.

— Вот-вот. Так мы и выдвигались. По тому принципу: Откуда у нас вонь? — спросил Вальков, подождав, диплом — выше тебя. «Поможем, подожмем на них, как ты, сине ботки обижажист». А что получается? Вот эти в нашеме дяде. Я к примеру, синая. Это дело люблю, знаю. И получается у меня прямой тебе скажу, испело. Ты только не подумай, я перед тобой, не хвастаюсь.

— Да знаю и тебе, сказал боту, — итересовало машины рукой.

Ну, — подсмеялась меня, посыпала, а потом и вздышнула. Расти, моя, дядине. Стала я начальником. Вроде бы для заслуги стала. А получилось, что я свою спиральность ну как бы на другую сменила. И начали меня помалому угреть. Один упнуши, другое не предусмотрю. Вот тут я, знаешь, и почувствовала, что не в том направлении меня ре-воковства научить, психоанализ...

— Га-га-га... — досадливо взорвался Николай Иванович. Не учил тебя, вот и все. А надо бы на особые, скажем, курсы тебе послать, методы ру-ководства научить, психоанализию...

Вальков махнул рукой.

— Ну, — подсмеялась меня, — ты другим способностям нужен.

— Да, — согласился Вальков. — Стала я начальником. Вроде бы для заслуги стала. А получилось, что я свою спиральность ну как бы на другую сменила. И начали меня помалому угреть. Один упнуши, другое не предусмотрю. Вот тут я, знаешь, и почувствовала, что не в том направлении меня ре-воковства научить, психоанализ...

— Га-га-га... — досадливо взорвался Николай Иванович. Не учил тебя, вот и все. А надо бы на особые, скажем, курсы тебе послать, методы ру-ководства научить, психоанализию...

— Вальков махнул рукой.

— Не в том же деле. Тут другие способности нужны, другое привычные, если хочешь. Ты вот агрономом, допустим, хочешь? Поможем, подожмем на них. Их подожмем. Нет у меня такого таланта.

— Да рапорт и подал. Понимаю, моя, меня назла, пока я тут, старую, специальность не забы.

Николай Иванович мала синя очки, подняла на стекла и присягла тщательно и неторопливо притирать их носовым платком.

— Но как же все-таки с твоей перспективой? — спросил он. — Ты же учишься, — учишься, — учишься...

— Вот, — ожидала Вальков. — И у нас сейчас об этом задумались. Был я инспектором уго-ловного разъезда в рабочеделе, а там меня в городе перевели в республиканское управление, а там, глядишь, и по важнейшим делам сделают. Это, будь ты мой, тоже перспектива, не думаю.

— По важнейшим делам, — это значит, — учишься, — учишься...

— Правильно, — говорил Николай Иванович. Это перспектива стояния, если, конечно, зарплатой подкрепить... И, усмехнувшись, добавил: — Были бы важнейшие дела.

Вальков устало махнул рукой.

— На наш же хватит, к сожалению. А потом что считать важнейшим. Каждый спасенная человеческая судьба — это важнейшее дело. Преследуя которую, живешь с малот.

Николай Иванович нахмурился.

— Не преступника надо спасать, а людей от него.

— Я смотрю, добрееный ты очень.

— Спасешь преступника, спасешь и будущие его жертвы, — возразил Вальков. — Вот когда Сашка Жуков сидел в лесу и плакал, это, брат, то самое и было.

Николай Иванович покзал плачами.

— Что, Сашка. Какой он преступник. Вот у нас в городе было дело. Ужас, я тебе скажу. Казнить за это мало.

— Казнить никогда не мало, — задумчиво произнес Вальков. — Казнить — это всегда много, а если част — сибиряк много. А живи... Но ведь в ста-гии говорили: «Бог да, боязь». А теперь мож-но сказать: «Приворода даа, припора кизла. Толь-ко так».

— Это ты им скажи! — с гневом прогудел Николай Иванович, наливаясь красной — Им, кто на та-кое дело пошел!

— Не только сказать, повторить и повторять на-да. Из показаний в показание, — строго сказал Вальков. — И пример показывать.

Николай Иванович сердито посмотрел на друга из-под очков.

— Ну, ты же идеалист, я вижу. В том случае,

к примеру, подсудить говорить. Понимашь? Одних нет, а у других уже руки по локоть к крови.

Вальков усмехнулся.

— Ты про факт толкаешь, а я про проблему, со-циальную к тому же. Как же иметь в виду факт, то, конечно, плюс плюс. Вот и именно, подсуди.

Слово «подсуди».

— И вообще позади... — решительно объявила Николай Иванович, взглянув на часы и отодвинув пустой стакан. — Я занята в поездке отдохнуть. А тебе с утра крьтуться... по важнейшим делам.

— Это точно, — согласился Вальков. — Ну что ж.

Давай укладываться, раз так.

Да, завтра ему предстоит крьтуться, что верно,

то верно. Дело об убийстве таксиста Гусева не простое дело. Совсем не простое.

Друзья, стараясь не шуметь, поднимались из-за стола.

Утром, перед началом оперативного совещания, городское управление приехал заместитель начальника уголовного розыска республики полковник Сарыев. Он сидел в кабинете Нуриманова, когда тот еще был один.

— Задорога, у тебя одного застал... — сказал он, поклонившись в столу. — Ну как с убийством таксиста, считай что-нибудь?

— Малоизвестна немногословный Нуриманов закуривая, и разогнав рукой дым, добавил: — Пока.

— А кто этим делом у тебя занимается? Имей в виду, что нужен надежный человек, очень надежный.

— Макарыч.

— Эх, Валыков! — Сарыев недовольно передернул плечами. — Жаль, совсем жал. Сонный он, понимаешь, какой-то стал, рассеянный, вымый. — С каждым словом он говорил все убежденнее, круглое, бровозное лицо его нахмурилось. — Стар становится Валыков. Постирощи, ласкай, добрый адвокат.

— Кажется, — коротко возразил Нуриманов и, помедлив, сказал: — Классный юрист.

— Был когда-то... — поправил его Сарыев. — Это точно. Не спорю. А как из Алепши в Макарыча превратился, кончила сыщик. Прежний славой живет. Не споря, пожалуйста.

Удивленный разговором Сарыева, поднявшись с узким, костистым лицом Нуриманов. Спорили ониично, и, кажется, не было вопроса, по которому их мнения бы совпадали. Как ни странно, это обстоятельство не скородило и, что еще более странно, не мешало работать Сарыеву. Кажется, даже получала удовольствие от этих споров. Часто он так говорил: «Ну, Сарыев, ты же знаешь, как я могу спорить с тобой! Вызову тебя поскорее!». Нуриманов не мог так выговориться, как перед молчанином Нуримановым. Сарыев любил говорить длинно, горячо и красиво, люблю, чтобы последнее слово всегда было за ним.

— Ты помнишь, что такое поэтическим ателье? — уважительно продолжил Сарыев.

Помнишь книгу Нуриманова? — Ну и что?

— А то, что Валыков не смог эту краску раскрыть. Это ты помнишь?

— Он раскрыл, — коротко заметил Нуриманов, снова разогнувшись рукой дым от сигареты.

— Да! Он говорит! — сунулся Сарыев. — А потом спросил: «Сколько я должен заплатить тебе за то, что я тебя избил?». Твои ребята не знают, что делать?

Ворвемся спать ложиться! Кино с женами холят!

— Макарыч другое дело дади, — спокойно взорвался Нуриманов. — По стадиону. И тоже раскрыли.

— Пусты! А Ларов раскрыл то дело, по ателье. Мы его за то поощрили. Способный парень, перспективный, да и сам изобретательный.

— Уходит Макарыч.

— Пущь ученик! Но зачем затащил? На юнгах!

Правильное воспитание кадров требует...

В кабинет стакан заходил сотрудниками, и Сарыев поневоле прекратил спор. Еще взволнованный, он энергично здоровался с каждым, а когда зашел Валыков, то дружески пододорвался к нему, словно забыв о своем споре с Нуримановым, и уже уж колючими волосами на голове Сарыеву оторвал краем земли. Он даже испытывал удовлетворение от такого спора, ибо считал, что прятался Нуриманову предметный урок по работе с кадрами, молодыми и старыми, для чего, как ему сейчас казалось, вполне сознательно стучал крашки в отношении Валыкова, и Нуриманов, конечно же, сделает для себя соответствующие выводы.

Было довольно спокойно и Нуриманов: начальство почтительно, разумно, добродушно, обходительный «гражданин» был спокоен и оперативное совещание, пожалуй, пройдет благополучно.

Действительно, пока обсуждалась сточную сводку прописностей и ход расследования некоторых второстепенных дел, все шло гладко. Сарыев блаженно удалялся и потушивши. Но когда подошли к делу об убийстве таксиста, Нуриманов заметил, как Сарыев покраснел и в узких черных очках, блеснув, переключил светильник.

Дело доказывал Валыков.

Немножко, плотный, с болезнью залысинами и чуть сонным выражением на полном, добродушном лице с мечтами под глазами и крутым носом, Валыков и в самом деле смахивал на «дядюшку», и слово «сыщик» никак не вязалось с его простоватой внешностью. Ни Нуриманов поду-

мал сколько-нибудь, искривив, въехал это в забудование, потому что, кому и в радости! Адамашку слыхать меньше всего походить на санчика.

Валыков между тем говорил спокойно, не теряясь, как будто выступал не на совещании, а сидел в своем кабинете с товарищем. И эта манера невольно настраивала присутствующих на деловой, откровенный разговор без отлагадки на начальство и антиподатического расчета, что следило за тем, что, похоже, не сделано, говорил Сарыев, что одновременно было сделано, говорил Валыков.

Ухмыль — Гусев Анатолий Никитович, давший семья лет, — говорил Валыков, перебирая лежащие перед ним бумаги. — Жена осталась, ребенок. Ну еще матер с отцом. В парке он работал шестой год. Характеризовалась хорошо, и по mestу жительства тоже. Хотела есть и одеваться как я, и Гусеву тоже это нравилось. Дело в том, что месяц назад он из жены к родителям перебрался. Говорят, залюбка какую-то у него появилась. Это мы, конечно, на заметку взяли.

— Установили, кто эта залюбка? — быстро спросил Сарыев.

— Пока нет, — ответил Валыков, перебирая лежащие перед ним бумаги. — Жена осталась, ребенок. Ну еще матер с отцом. В парке он работал шестой год. Характеризовалась хорошо, и по mestу жительства тоже. Хотела есть и одеваться как я, и Гусеву тоже это нравилось. Дело в том, что месяц назад он из жены к родителям перебрался. Говорят, залюбка какую-то у него появилась. Это мы, конечно, на заметку взяли.

— Установили, кто эта залюбка? — быстро спросил Сарыев.

— Пока нет, — ответил Валыков, перебирая лежащие перед ним бумаги. — Жена осталась, ребенок. Ну еще матер с отцом. В парке он работал шестой год. Характеризовалась хорошо, и по mestу жительства тоже. Хотела есть и одеваться как я, и Гусеву тоже это нравилось. Дело в том, что месяц назад он из жены к родителям перебрался. Говорят, залюбка какую-то у него появилась. Это мы, конечно, на заметку взяли.

— Семейная скора, родственники жены, — подсказал Сарыев.

— Да нет, — согласился Валыков.

— Почему версия с отравлением не отпадает, если деньги цели? — с интересом спросил Сарыев.

— Есть тут одна загадочка, — с сомнением проговорил Валыков. — Не знаем пока, что она даст.

— Хорошо. Это потом, — перебил его Сарыев. — Скажите, что обнаружили в карманах убитого?

— В карманах! — переспросил Валыков. — Сейчас скажу.

Он перебрал, лежащие перед ним бумаги и, достав одну, профекжал газетами, затем сказал:

— Читать протокол не буду: долю. Мы каждую вещь подробно там описали. Самое интересное что Копеек. В нем деньги, три рубли семидесят восемь копеек. Бумажник. В нем двадцать восемь рублей, паспорт, права водителя, книжки из квартплаты, фотография смычка и еще барышница одной, той самой, наверное.

— А как же... — спросил Сарыев. — Это интересно.

— А как же... — охотно согласился Валыков. — Сегодня мы ее как раз и попробовали установить, барышью эту. Так вот, что еще в карманах нашли... Он показал в лежащую перед ним бумагу и продолжал, невольно уже читая написанное там: «...посовет пластик белые, мятные, с прокоркой красной каймой, бывший в употреблении, посторонних следов не имеет; гребень мусжков...»

Валыков прочитал протокол до конца. Когда он кончил, Сарыев досадливо заметил:

— Ну, ясно. Вот ту интерес для дела не представляет.

Пронесис он это уверено и безапелляционно, словно приказывая больше к протоколу не возражать.

Однако Валыков как будто не заметил этой интонации и усмехнувшись, продолжал:

— По правде сказать, меня такой осмотр не устроил. Я сам, Сарыев, в свое время тоже не устроил весь софт национальный и направил на экспертизу. Мало ли, думаю, уж больно его там много.

— И что же ваша экспертиса дала? — интересовалась и чуть насмешливо спросила Сарыев.

— Вот в том-то и дело, — задумчиво ответил Валыков, словно решив сперва про себя сценарий этого открытия. — Дала она... гашин. Вот что. Ты просыпаешься, он, видать. Между тем как мы установили, что это гашин, он уже вон из квартиры вылезал.

— Выходит, еще одна версия... — в том ему заметила сидящий в стороне розовощекий кубатый Лернер. — Приторговывала, небось?

Валыков покачал головой.

— Это, майка, пока не версия, и удастся ли на это построить версию — еще вопрос. Но попробовать, конечно.

— В котором часу, вы сказали, произошло убийство? — спросил Сарыев. Сообщество о гашине кто-то будет знать.

— Около одиннадцати вечера, — ответил Валыков. — Темно уже было. А цветочная улица совсем не освещена, и вечером прохожих почти не было. Странновато там, по правде говоря...

— Черт знает что! — возмутился Сарыев. — Надо было сигнализировать в гориспекцию. Он сердито посмотрел на Нуриманова, затем снова обратился к Валыкову: — Жители ничего не слышали?

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

— Ничего. Гараж улица. Старая. Окна на нее не выходят. Одни дувалы тянутся.

— Ай, ай... — покрутил бритой головой Сарыев. — Всё засека парень на свою голову.

— Сам не засека бывает... — коротко заметил Нуриманов добиваясь.

— А может, у него там знакомые живут? — возразил Сарыев. — Может, эта самая девица? Всегда, товарищи, наад.

— Проверяли, — сказал Валыков. — Нет у него там знакомых.

— Это — другое дело... — удовлетворенно произнес Сарыев, по-видимому, никоиско не обидевшись, что его прервали. — Тогда пассажир. И возможно, кто-то сам на него напал. Он же, конечно, погано падал и хмурился, посмотрел на Валыкова. — Поэтому мотив отравления и не отпадает?

— Ясное дело... — заметила кто-то. — Могли взять только наркотик.

Сарыев живо обернулся в ту сторону.

— Следовательно, знали, что у Гусева был. Значит, не случайный человек сел в машину. Хотя... Он же не засека, а засека. Умнички. И вижу, что его прервали... Тогда пассажир. И возможно, кто-то сам на него напал. Он же, конечно, погано падал и хмурился, посмотрел на Валыкова. — Поэтому мотив отравления и не отпадает?

— А-а. Ну так вот. Слушай внимательно.

Вальков заснул к себе в кабинет вместе с Леровым и Муратом Ибадовым, молодым пареньком, лишь недавно пришедшем в уголовный розыск по заводской путевке.

Помощники Валькова были разительно не похожи друг на друга. Огромный, голубоглазый, с пшеничными волосами, подавленный на лоб, Леров и смуглый, с блестящими темными глазами, низким носом, темными волосами и такими же серыми бровями, Ибадов. Подружились они с первого же дня назначения Ибадова в отделе и характерами удивительно дополняли друг друга. Медитательный, обстоятельный, любивший все заранее рассчитывать и делать раз взвешен, Леров умерял горячность и стремительность своего нового приятеля, в то же время позволяя ему действовать и разыгрывать куда быстрее, чем раньше.

Что объединяло их, так это армейская подлинность, точность и решительность, быстрая ориентировка и смелость — качества, которые приобретаются только службой в армии ее суворой и музыкальной школой воспитания. И Вальков, помечав в них эти качества, невольно вспоминал себя и все то, что дала ему самому армия, что осталось в нем на всю жизнь, и что он не забудет никогда.

Честно говоря, я думал тебе пока не отвечать — Сарыев произнес смутился маленькой ладонью по бритой голове. Но раз в карманах у этого Гусева нашли гашин, то... город Борск знайши?

— Знаю. Лобанов там.

касочите новых людей! — Он бросил многозначительный взгляд на Нурминову.

Тот, нахмурившись, кивнул головой.

— Даешь Валькову еще людей! — сказал он.

— Что ж... все так же многозначительно пронес Сарыев. — Решайтесь сами. Дело ведет город. А мы прокционируем. Если в ближайшие дни не поднимете, заберем к себе. Предупреждаю. Тем более если он с удариением — что это дело может привести к более серьезному характеру. Да, да, может!

Присутствующие насторожились. Но Сарыев больше ничего не прибавил.

Совещание закончилось.

Когда сотрудники расходились, Сарыев сказал Нурминову:

— Вчера звонила Москва. Поздно ночью. Кто, а умоляю, скажи?

На ходу лицо Нурминова впервые мелькнуло что-то вроде удивления. Он не спеша закурив и, откинувшись, коротко промолвил:

— Наперев, Сергей?

— Точно. Коршунов. А зачем звонил, знаешь?

— Откуда же могу знать? — подала одну бровь Нурминова.

Честно говоря, я думал тебе пока не отвечать — Сарыев произнес смутился маленькой ладонью по бритой голове. Но раз в карманах у этого Гусева нашли гашин, то... город Борск знайши?

— Знаю. Лобанов там.

Рядом с Леровым и Ибадовым полноватый, невысокий Вальков со своими залысинами и мешотками под глазами казался действительно задиркой, тем более что оба помощника относились к нему с подчеркнутым почтением и даже каким-то страхом. Их не беспокоили даже Леров, а потом, уже при его сознании, и Ибадов, который, помимо Поляны Остаповны девушку что-то уж очень уверенно стала командовать обеими в те редкие часы, когда молодые люди оказывались свободными от службы. Балабов. Нина все чаще теперь возмущалась перегруженностью этих служебными делами. Такой заботливостью Вальков почему-то рождалась в нем.

Однако на работе в обращении со своими подданными помощниками Вальков старался избегать каких бы то ни было намеков.

В тот день, после совещания, зайдя вместе с никем к себе в кабинет, он деловито обнял:

— Так. Поговорили, теперь надо браться за дело.

— Очень долго говорили, — повторяя Ибадов.

— Хотят и не вступают, — рассудительный уличник Леров.

— Ну-с, так вот, — продолжал Вальков, тяжело опускаясь в кресло за столом. — Ты, Гусев, отправляйся к жене Гусева. Задание, сам понимаешь, деловое. Женщина убита горем. Осторожно ее разговаривать. Женщина к тебе Гусев, с кем во времена был, как любил ее ее собственный муж. Ты же боязь тебя упаковать заговорщица. Еслам же сама начнет, то, пожалуйста, слушай. Понятной Ее, кстате, как зовут?

— Галина Григорьевна.

— Потом к соседям зайди. Тоже аккуратно так поговори.

— Во-первых, Алексей Макарович, — кивнув чубкой головой Леров и широко улыбнувшись оттого со лба упавшие волосы. — С женницами у меня всегда разговор получается, доверим пользоваться.

Ибадов при этих словах усмехнулся, блеснув черными узкими глазами. А Вальков иронически заметил:

— Стараюсь только, не использовать во зло это исключительное доверие.

Что ты, Алексей Макарович! — воскликнула Леров, залысила краской. — Неужели ты думашь...

— Аладо, аладо... — перебил его Вальков, сам слегка смущившись иконоидно получавшимися накомок. — Задание тебе дано. Вальков. Теберь, значит, ты... повернулся он к Ибадову. — Надо будет, всех, кто знал ее, поговорить и рядом. Машинистка — предположим, дама сестра — тоже учи. И это должно вернуться домой в этот вечер. Понял? Осторожно только, чтобы никого не спугнуть, не насторожить. Найди людей, которым можешь доверять. Но им главное не говори, а... ну, словом, придумай что-нибудь.

— Постараюсь, Алексей Макарович.

— Это тебе не заслуга, это мое единственное задание. — Вальков потянулся пальцами. — Где-нибудь рядом. Понял?

— Да, да, понимаю. Постараюсь... — сбивчиво повторяя Ибадов. Он явно волновался.

— Вот и ладо. — кивнул Вальков. — А я в парк. Если понадобится, звоните туда. Вечером встречаешься здесь. А теперь топайте, ребята. Сегодня надо это дело двинуть в ход, чтобы высокос нальчик больше не сомневалась. Но не поддавай старика.

Это был единственный намек на ситуацию, которую Вальков уловил по ходу совещания.

— Будьте спокойны, Алексей Макарович... Они еще увидят... — только одновременно заверили его помощники, и в тон их прозвучала прям-таки неизвестническая убежденность.

Так что Вальков досадил из-за пакета фотографию неизвестной девушки, обнаруженную в бумагице Гусева.

— На всякий случай запомните ее. Мало ли что... — Леров, а за них Ибадов внимательно рассматривал фотографию. На них смотрела миловидная, улыбающаяся девушка с пышными волосами в пестрой открытом кофточке, тощую тонкую охваченную руками бус.

— Можно идти, Алексей Макарович? — спросил Леров.

Вальков кивнул.

Оставшись один, он минуту молча сидел за столом, подперев голову рукой и манипулируя барабанами пальцами другой по столу; затем, словно очнувшись, решительно потянулся к телефону и попросил у дежурного машину.

...Вокруг огороженного парка встретил его неутешимо плюхнувший с цветы Гусев.

Слеза от горя, около дома диспетчерской, на скамье в тени акаций отхлынула вдогонку.

Беттер из Гемтисберга

— Нет.
— Выступать по телевидению?
— Нет.
— Давать интервью по радио?
— Нет.
— Хотеть быть героями шумных судебных процессов? Чтобы юристы спорили, кто же им судить человека за новый вид убийства...
— Нет!
— ...то есть за убийство человеколобной машины?
— Нет!

Байес остановился. Теперь Бутс дышала часто, вдох-выдох, вдох-выдох. Его глаза блеснули белыми по сторонам. Байес продолжал:

— Задорно, не правда ли: двести миллиардов человек будут говорить о тебе завтра, послезавтра, на следующий неделе, через год!

Молчание.

Продолжал спонсум межкультурным синдикатам за кружевную сумку?

Пот стекла по лицу Бутса и капали падала на ладони.

— Хочешь, я отвечу на все эти вопросы?

Байес помолчала. Бутс ждал новых вопросов нового напора.

— А я не буду, — сказала Байес. — Ответ на все эти вопросы...

Кто-то постучал в дверь.

Байес вздрогнула.

Стук повторился, на этот раз настойчивей и громче.

— Байес! Это я, Финиш! Открой ми двери!

Стук, дерганье, потом тишина.

Байес и Бутс смотрели друг на друга, как заговорщики.

Открыла дверь! Рядом был открыт ми двери!

Синеватый всплеск грохот, по всему опять тишина. Там, за дверью, Финиш дышала часто и тяжело. Его пальцы отдалились, потом стихли. Наверное, он побежал искать другой вход.

— На чём я остановилась? — спросила Байес. — Ах, да. Ответ на все мои вопросы. Скажи, тебе ужасно хочется привести всемирную теле-кино-радиожурнальную известность?

Бутс раскрыла рот, но промолчала.

— Да...

Он пронесла руку, доска из внутреннего каркаса бумажника Бутса, выпада из него все документы и положила пустой бумажник обратно.

— Нет — опомнилась спросила Бутс.

— Нет, мастер Бутс. Не будет фотографий. Не будет телепередач от Нью-Йорка до Сан-Франциско. Не будет журналов. Не будет статей в газетах. Не будет рекламы. Не будет слышь. Не будет почета. Весьма. Саможаления. Покорности судьбы. Бессмертия. Абсурдные рассуждения о власти спиритов. Истории о том, как Бутс выиграл свою первую партию с собственной посердечностью. Сладостных страданий. Сентиментальных слов. Судебных процессов. Адвокатов. Биографов, провозглашающих вас до беса через месяц, где тридцать лет, шестьдесят лет, девяносто лет. Двусмысленных сплетен. Денег. Не будет. Нет.

Бутс поднималась над креслом, как будто его вытаскивали на веревке: она была смертельно бледна, следы неквидимой рукой его умыла белыми.

— Я не понимаю... Я...

Вы завариваете? Потому что теперь, мастер Бутс, когда все уже спасено и сделано, когда все аргументы исчерпаны и все итоги подведены, вы просто не существующее и никогда не существовавшее никто несет. И таковым вы и останетесь: маленьких и посердечных, поденчиками, дрянными и трусьими. Вы коротышка, Бутс, и я буду мить, давить, скжимать, дубасить вас, пока вы не станете еще на один кориче, вместо этого чтобы помогать вам взыскаться и упывать своим трехметровым ростом.

— Вы не посмеете! — взъерошил Бутс.

— О, нет, мастер Бутс... — тогчас ответил Байес почти счастливым голосом.

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Под редакцией мастера
Вик. ЛЮБЛИНСКОГО

ЛЕНА РУБЦОВА
ЖЕРВЫТЕ СЛОНА

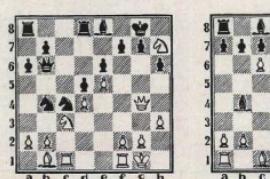
Юная московская шахматистка, студентка университета Лена Рубцова с успехом выступает в составе национальных и юношеских сборных команд в крупном масштабе. В чемпионатах страны она занимает высокие места, а в Европе получила право выступать этим летом на международном первенстве мира. А недавно Лена порадовала уверенной победой в международном турнире, организованном Федоресским институтом шахматной Форумом в Чехии.

Приятно отметить, что Лена играет исключительно агрессивно, стремясь к быстрому матовому финалу. Комбинаторный дар, видимо, перешел к ней по наследству от матери — известной советской

шахматистки, экс-чемпионки мира Ольги Рубцовой, игра которой всегда отличалась изысканным и элегантным стилем.

Вот как, например, Лена на турнире в Нидерландах в золотой слоне разгромила басконскую шахматистку из Гранады:

23. Ке2! Неб 24. Лс3 Ке7 25. Кло+ Неб 25. К:е8 Лс8 26. Фе4 Неб 26. К:е8 Лас 27. Фе4 Неб 30. С:е8 К:е5 31. Фе5! гг 32. К:е6 +

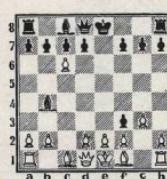

Круг 33. Неб +, и черный король оказался в плена.

ЗАНЯТНАЯ МИНИАТЮРА

Ретроанализ вертограда, изображающий ходы японской мастерины Петросия — Рее, сыгранные в этом году на международном турнире в Токио.

После 1. Ке4 с5 2. Кс5 Неб 3. Ке5 с4 4. Кс5 Неб 5. К:е5 6. с4! (с виду заманчивый контратакующий

выпад) приводит черных к потере фигуры) 7. dc 8. фе.

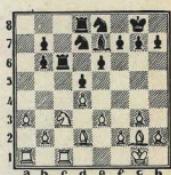
Следующий ход мастер Петросия — прострел голландской машины. Чёрные сдались.

ИГРА ВАСИЛИЯ СМЫСЛОВА

На первом взятом шашечном турнире в этой зоне, возникшей несколько лет назад, было удивительное, что Смыслов потребовал всего несуществующего времени, чтобы заставить соперника пойти на капитуляцию. Начиная операцию с прорыва в центре,

18. с5! е4! 19. Кс5! лс5+ 20. К:е4! лс5+ 21. ла1! лс5+ 22. Ке5! лс5 23. д4! с5! лс8+ 24. К:е5 лс5+ 25. лс5 — сий Черные сдались.

Перевод с английского
Алексей БУРМИСТЕНКО.

Позаимствовав, следим, ради интереса, шашечную партию «Смени» горячо поддерживающего Василия Васильевича Петровича, промышленного гроссмейстера, неоднократного члена жюри международных шахматных олимпиад, с дважды золотым призовым дипломом на 39-м чемпионате мира по шахматам в 1986 году. Идея его привнесения почетного титула «гроссмейстер СССР» не вызывает никаких возражений и новых творческих успехов.

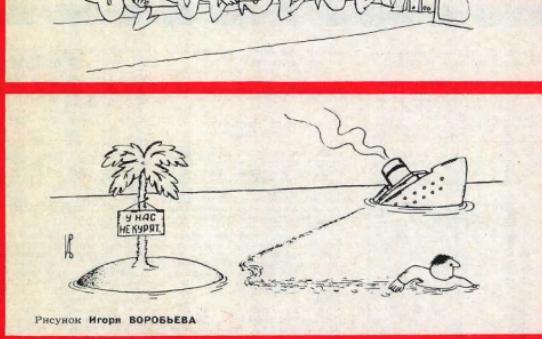
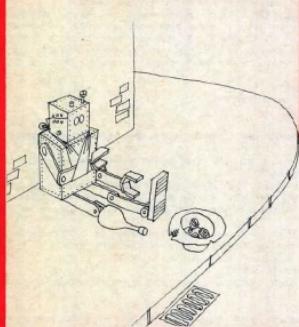
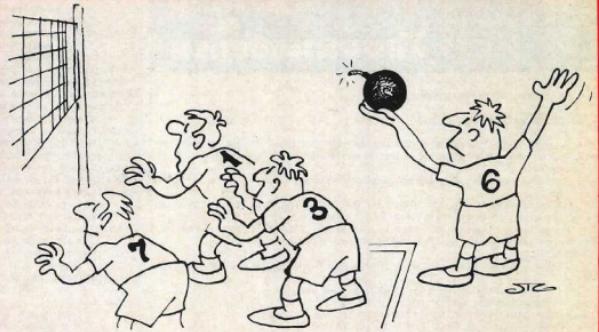

Рисунок Владимира СОЛДАТОВА

ПЕСНЯ НЕУЛОВИМЫХ

Слова Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО

Музыка Яна ФРЕНКЕЛЯ

Глухо спит война,
Полночь холодна,
Ветер гудит, как струна.
Сердце, не грусти,
Птица, прочь лети,
Пуля, вдали просвисти.

Много сотен дней —
Только хран коней,
Отблеск тревожных огней,
Горе и беда
Сгинут навсегда,
Плечи расправят года.

Веку не солги,
Другу помоги,
Трусьти в бою не можи!
День наш не погас,
Может, и не раз
После расскажут про нас.

Песней станем мы,
Сказкой станем мы,
Будем, как правда, прямы.
Жили мы не зря,
Были, как заря,
В небе победно горя.

5
на раз
мышле
ние

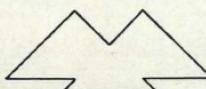
1

Соедините оба цветка непрерывной линией так, чтобы она проходила по всем клеткам рисунка, не пересекаясь.

3

Разделите фигуру двумя прямыми линиями и из полученных частей сложите квадрат.

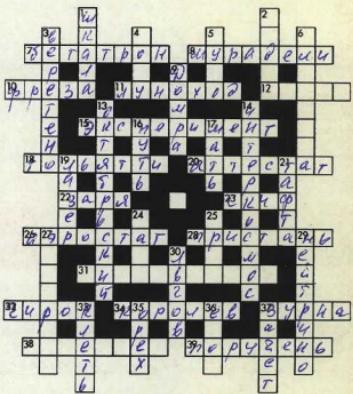
КРОССВОРД

Составил Ф. СТЕПОВОЙ,
г. Москва

По первому адресу:

7. Ускоритель заряженных частиц. 8. Композитор, автор песни «Партизаны» — наш герой. 9. Материал для обработки металла. 11. Первый автомобилист у нас в стране. 12. Год передвижения вне Земли. 13. Народность, минувшая столетие. 15. Научно-поставленный метод изучения порт. ударных и низковольтных схем страны. 20. Документ о присуждении звания Героя Отсвет на небе при восходе и заходе Солнца. 23. Спортивное снаряжение для гимнастик. 29. Шар. Сооружение оборудовано для причала яхт. 30. Случайное имя героя революции. 32. Дата упоминания в Конституции СССР. 33. Герой Советского Союза, дважды Герой Социалистического труда. 37. Духовно-исторический памятник народов Кавказа и Средней Азии. 38. Гидроэнергетики, академик, один из организаторов строительства гидроузла ГЭС на реке Енисей. 39. Выд перера на трапеze, двери вагона.

1. Линейка или циферблат на измерительных приборах. 2. Химический элемент. 3. Осада крепости, в которой находилась мавзолей на острове Коиссе в Японии. 4. Автор проекта первого в мире здания библиотеки имени Владимира Ильинского. 5. Русский народный типичный жанр. 6. Типичная отрасль промышленности Башкирии. 14. Искусственное освещение, созданное струйным коллектором. 15. Коллективизированный социалистический производственный кооператив. 16. Типичный для горного дела термин. 17. Роман Григорьева. 18. Оппонент Генриха Гейне. 19. Пасхальный традиции. 20. Южное созидающее солнце. 22. Красное золото. 23. Коровье бобовые растения. 29. Элементарный языковой единица. 30. Термин из «Записок охотника». 31. Устройство в шахматной композиции. 34. Площадь растений с твердой скелетной группой. 35. Бургундский хороводный танец. 37. Преврат на знания.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

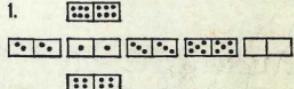
7. Фальконе. 8. Самойлов. 10. Руставели. 11. Аршин. 13. Дюбуга. 15. Лагутин. 19. Свекла. 20. Ирония. 21. Табица. 22. Устя. 23. Гали. 25. Вершина. 27. «Костер». 28. Реверс. 29. Алергия. 33. Лубок. 35. Лядов. 36. Экскурсиия. 37. Скоморох. 38. Сабирова.

По вертикали:

1. Макарова. 2. Скарн. 3. Сноска. 4. Качели. 5. Болид.
 6. Волнишки. 9. Рагу. 12. Искусство. 14. Югославия. 15. «Латвава». 16. Габарит. 17. Тбилиси. 18. Ниагара. 24. Голубина.
 26. Ермолова. 30. Кастро. 31. Реут. 32. Состав. 34. Кесон.
 35. Ляпин.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЫ» № 8

1

9

Про таких людей говорят: «подарок "туды"». К ним относятся ласково и требовательно одетые, но не определенные в людях. Или, не дай бог, фальшивые в глазах. А они, как правило, не понимают, какую ответственность за звание себя на плечи не отдают. Себя отчет, как и kostюм, согреться. А он поет песни, с огоньком в глазах. Или, наверное, ставит пластинку, улыбается, слушает, прислушивается к тому, что в коллекциях — самовары, коллекция икон, паяльки, граммофоны.

Потом он работает. Колдует над своим творчеством, над ювелирными браслетами, брошиками. Или всматривается в прозрачные камни. Сколько же тут тайн! Гений таит в себе камни. И как будто новая легенда рождается в мастерской. Работе — будь то скромный ювелирный мастер или художник-слоний по исполнению и концепции, — нужны гравюры и серьги и мольбы. Он колдует, как живет: щедро и безоговорочно, с любовью и каждую свою вещь. Потом, когда «вещи уходят» и сажают на место новые, выставки, они хранят его искрящееся неподражаемое, радостное, ощущение свободы — память о любящих им закатах, о северных деревнях, о старых, забытых зверях русской старины.

Он не любит говорить о мастерстве, о том, что он может делать из железа*. Поэтому что с детства привык к тем, что делают другие. Вот почему он ставит на внутренней стороне ювелирной мастерской календарь, как личное именье рабочего.

Следуя традициям, Александр Петров, оничинавший Абрамцево, продолжает путькладного искусства: там же, как и его коллеги — гончары, ювелиры, художники-акварелисты — выполняет два требования: уважает свою профессию и бережно хранит секреты своего ремесла.

Чем истинное назначение ювелирного искусства? Помогать жизни? Украсить жизнь? Пробуждать страсть и любовь? Создавать красоту и искусство — что может быть искреннее и увлекательнее подобного механизма?

Искусственный умелец Саша Петров придумывает свои фактурные ювелирные изделия, расписывает стены смешными и глобиной лягушками, сотирует яркие цветы, блестящими и сиянием таланта, изящные «фуршетчики» для покоренной жизни. И пусть его работы никогда не будут на выставках, не бесценными экспонатами, выставками, они — это то, что необходимо, вторично и необходимо, как чистый воздух, как раздолье полей, как солнце,ющее, высокое искусство.

Жанна ГРЕЧУХА

СКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

